

Баландинские чтения

A nighttime photograph of a grand, yellow classical building with white columns and a pediment. The building is brightly lit, and its lights are reflected in a wet, dark plaza in the foreground. The scene is framed by dark trees and a night sky. A street lamp with two glowing globes is visible on the right side. The overall mood is serene and elegant.

2023 Том XVIII

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Национальный университет архитектуры и строительства Армении
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Новосибирской области

БАЛАНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
сборник статей научных чтений памяти
Сергея Николаевича Баландина
Том XVIII

Новосибирск 2023

Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 2023. — Т. XVIII. — 53 с.

ISBN 978-5-89170-361-2

Ежегодник «Баландинские чтения» учрежден в память об исследователе сибирской архитектуры Сергее Николаевиче Баландине (1930–2004), основателе Музея истории архитектуры Сибири в г. Новосибирске. Издание выходит при партнерстве Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова (НГУАДИ), Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН), Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Новосибирской области.

В сборнике представлены статьи, посвященные историко-архитектурному наследию Сибири и сопредельных территорий. Авторы затрагивают различные аспекты данной тематики: исторические закономерности развития планировки и застройки поселений, кросс-культурные взаимосвязи в архитектуре и градостроительстве, новые методы в изучении наследия, выявление «забытых» памятников и потенциал их ревалоризации, новые сведения о творческом наследии сибирских архитекторов.

The *Balandin Readings* annals is dedicated to the memory of Sergey Balandin (1930–2004) — a historian of Siberian architecture and a founder of the *Museum of Siberian Architectural History* in the city of Novosibirsk. The issue is published in the partnership of *Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*, the *Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences*, *Novosibirsk Regional Governmental Inspection of Heritage Preservation*.

The annals contain scientific articles concerned with historical and architectural heritage of Siberia and neighboring areas. The authors deal with different aspects of the subject including historical factors of developing of planning structure and architecture of settlement, cross-cultural relations in architecture and urban planning, new methods of studying heritage objects, revealing of forget monuments and opportunities for their revalorization, new facts about creative heritage of Siberian architects.

Редакционная коллегия издания:
ответственный редактор А.Е. Гашенко (НГУАДИ)
научные редакторы:
Е.А. Груздева, канд. искусствоведения (НГУАДИ)
Н.П. Журин, канд. архитектуры (НГУАДИ)
А.Ю. Майничева, д-р исторических наук (ИАЭТ СО РАН, НГУАДИ)

ISBN 978-5-89170-361-2

© Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 2023
© Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Содержание

А.Ю. Борисенко. Мусульманская архитектура Поволжья и сопредельных территорий по материалам экспедиции П.С. Палласа 1768–1769 гг.	4
Е.С. Духанина. Современная классификация клубных зданий	13
D.G. Kertmenjian. Architectural development landmarks of Cascade complex in Yerevan.....	18
Л.В. Киракосян. Современные вызовы сохранения и популяризации древних местностей Республики Армения	22
А.С. Фуникова. Архитектурное наследие микрорайона «Красная горка» в городе Новосибирск	28
Д.С. Шемелина, Н.С. Декунцов. Территориально-географический аспект ревалоризации архитектурно-градостроительного наследия сибирских оборонительных линий XVIII века	34
Л.Х. Успепян, С.В. Филонов, Н.Н. Филиппова. Чернобровцев Александр Сергеевич (12.09.1930 — 13.04.2014) — выдающийся новосибирский художник-монументалист	40
Сведения об авторах	52

**Мусульманская архитектура Поволжья и сопредельных территорий
по материалам экспедиции П.С. Палласа 1768–1769 гг.¹**

Аннотация

В статье приведены сведения о мусульманской архитектуре, собранной Петером Симоном Палласом в ходе экспедиции в Поволжье в 1768–1769 гг. Среди обследованных и описанных исследователем объектов отмечены постройки золотоордынского времени — мечети, минареты, мавзолеи. Собранные П.С. Палласом сведения позволили расширить представление о исламской культуре и ее носителях на территории Российской империи и заложили основу ее дальнейших исследований.

Ключевые слова: академические экспедиции XVIII в., Петер Симон Паллас, мусульманская архитектура, Поволжье

A.Yu. Borisenko

Novosibirsk State University
Pirogova str., 2, Novosibirsk, Russia, 630090
aborisenko2@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-5678>

**Muslim architecture of the Volga region and adjacent territories based on the materials
of the expedition of P.S. Pallas 1768–1769**

Abstract

The article provides information about Muslim architecture collected by Peter Simon Pallas during an expedition to the Volga region in 1768–1769. Among the objects surveyed and described by the researcher, buildings of the Golden Horde period were noted — mosques, minarets, mausoleums. The information collected by P.S. Pallas made it possible to expand the understanding of Islamic culture and its bearers on the territory of the Russian Empire and laid the foundation for its further research.

Key words: academic expeditions of the XVIII century, Peter Simon Pallas, Muslim architecture, Volga region

Введение. XVIII в. — время зарождения и формирования научных знаний в России. Изучение культуры народов, населявших страну, стало одной из важнейших задач для молодой российской науки. Был предпринят целый ряд комплексных экспедиций, в ходе которых кроме исторических, археологических, этнографических, лингвистических, демографических и пр. данных был собран большой объем материала о верованиях и обрядах народов российских провинций. К этому блоку информации можно отнести сведения об религиозных объектах, в том числе, архитектурных. Подобные материалы имеются в работе Петера Симона Палласа, одного из первооткрывателей российского страноведения.

П.С. Паллас приехал в Санкт-Петербург в 1767 г. по приглашению Екатерины II, которая незадолго до начала работы Физической

экспедиции предприняла поездку по Волге и была под большим впечатлением от нее. В Санкт-Петербурге ученый активно включился в подготовку, включая обсуждения научно-организационных вопросов на заседаниях Академии и изучение трудов предшественников [Борисенко и др., 2005. С. 126]. Эта работа заняла почти год, только в июне 1768 г. он выехал в путешествие. Результаты экспедиции были изложены в трех частях труда «Путешествие по разным провинциям Российской империи 1768–1774 гг.», которая была издана на немецком языке в Санкт-Петербурге в 1771–1776 гг., на русском языке — в 1773–1778 гг., на французском языке — в 1788–1793. Для данной работы было использовано русскоязычное издание.

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Поволжье было одним из районов, по территории которого проходили его исследовательские маршруты. В ходе работы Оренбургского отряда в 1768–1769 гг. Петером Симоном Палласом были зафиксированы ряд памятников средневековой исламской архитектуры. Его труд содержит описания, рисунки, месторасположение памятников. Некоторые из них упоминались его предшественниками, а также известны их более поздние описания. Сведения П.С. Палласа позволяют проследить динамику состояния памятников на протяжении XVIII–XX вв.

Полученные результаты. Из Санкт-Петербурга через Москву, Новгород Тверь, Владимир он прибыл в Касимов, где им были впервые описаны остатки строений мусульманских религиозных сооружений. Это были одни из немногих каменных сооружений города, основная часть зданий которого была отстроена из дерева. Бревнами и досками же также были мощены улицы [Паллас, 1773. С. 42]. Он упоминает о развалинах старой мечети, от которой осталась высокая округлая башня, которая ранее служила минаретом. Интересно замечание ученого, что мечеть «по Высочайшему позволению» опять отстраивается [Паллас, 1773. С. 43]. Действительно, в правление Екатерины II отношение к исламу поменялось. Ее предшественники не отличались особой веротерпимостью — запрещалось строить новые мечети, предпринимались и другие антиисламские действия, что вызывало недовольство мусульманского духовенства. Поездка императрицы в Поволжье в 1767 г., вероятно, стала одним из факторов, изменивших ее представление о реализации конфессиональной политики [Арапов, 2014. С. 26]. В 1768 г. был ею издан указ, согласно которому зажиточные касимовцы отстроили новое двухэтажное здание на старом основании [Князева и др., 2018. С. 74]. На сегодняшний день сохранилось белокаменное основание и кирпичные стены. Изначально же мечеть была построена из дикого камня, добывавшегося в каменоломне в 12 км от города. Из этого же материала были построены и другие здания комплекса, в том числе, не сакрального назначения.

Таким образом, упоминание П.С. Палласом строительства новой мечети на месте старой вполне вписывается в общий исторический контекст. Археологические исследования 2014 г. показали отсутствие культурного слоя XV в., что минарет и мечеть были построены позже — судя по результатам шурфовки в середине XVI в. [Бочаров, Ситиков, 2018. С. 135].

В непосредственной близости от мечети П.С. Палласом были описаны строения на территории старого татарского кладбища. В середине XVI в. оно могло служить почетным

некрополем, где стремились быть похоронены служилые Чингизиды и татары из центральных губерний Российской империи [Макаров, 2012. С. 26]. На нем сохранились стены нескольких мавзолеев, самым известным из которых на сегодняшний день является текие Авган-Мухаммеда [Макаров, 2012. С. 27]. П.С. Паллас отмечал неплохую сохранность здания и описал архитектурные особенности — кирпичное четырехугольное строение размером 14х7,8х4,9 м, с толстыми стенами, широким карнизом, разделенное на два помещения. Меньшее — со входом с западной стороны, предназначалось для молитв, имело небольшое окно на северной стене и пол из дикого камня. Большое помещение — «свод или погреб» — с южной стороны имел вход шириной около 1,5 м. Однако следов дверных петель или других крепежей зафиксировано не было. Над ним имела каменная табличка с надписью на арабском языке. В этом помещении располагались погребения. Крыша здания засыпана землей и на ней растет калина.

Строение и сегодня имеет достаточно толстые стены до 50 см. Вероятно, потому, что строили его рязанские мастера, фасад украшен мотивами «кирпичного узорочья». Над арочными окнами сделаны небольшие наличники «в виде колонок с перетяжками, увенчанных треугольными сандриками; подкарнизный пояс, состоящий из трех рядов поребрика; наборные стойки входного портала, завершенные короткими белокаменными кубышчатými полуколонками» [Князева и др., 2018. С. 74]. Не смотря на свой статус историко-архитектурного памятника, находится в довольно плачевном состоянии.

Мавзолей «Шагали-Хана» на момент посещения его П.С. Палласом представлял собой четырехугольное здание размером 6,5×5,8×3,5 м, ориентированное длинной стороной по линии В-З. с северной стороны в стене имелось два окна, с восточной — одно. На окнах были сделаны решетки, но они были выломаны вандалами. П.С. Паллас упоминает о 8 погребениях. Пять из них располагались у восточной стены, одно — у входа, два — в самом центре, одно из которых, по мнению ученого, могла быть парным захоронением. Надгробные плиты имели красноватый оттенок. Центральное погребение было более 2 м в длину и около 70 см в высоту и имело каменную ступенчатую обкладку. П.С. Паллас сообщает, что помимо погребений в помещении было девять черепов. У каждого погребения с восточной стороны на постаментах были установлены заостренные сверху надгробия высотой около 180 см. Только два из них находятся в вертикальном положении, остальные расколоты. На надгробных плитах имеются арабские надписи, а с западной их стороны «высечены гладко

цветами или звездочками на подобие решетки» [Паллас, 1773. С. 46]. П.С. Паллас также упоминал о подземном пространстве под гробницей, куда можно попасть через узкий проход, прикрытый камнем и заваленный землей, а снаружи обозначенный плитой. Внутри этого цоколя на деревянных возвышениях, которые он называет «амвон», в беспорядке были обнаружены кости, черепа, волосы людей, остатки желтой, зеленой и полосатой ткани, типа тафты, которая хорошо сохранилась и даже почти не потеряла своих красок. Ученый считал, что это дело рук «хулы достойных любопытных людей новейших времен» [Паллас, 1773. С. 47]. Существует легенда, что из этого подземного пространства можно попасть в минарет [Князева и др., 2018. С. 74].

Мусульманская архитектура Касимова является образцом средневекового золотоордынского сакрального зодчества. Т.к. строения в основном не пережили испытания временем, описания, данные им П.С. Палласом своим труде, представляют интерес как источник для их изучения.

В следующий раз мусульманские сакральные сооружения появляются на страницах труда П.С. Палласа в связи с его приездом в древнюю Болгар. Комплекс был построен на «развалинах старинного города». [Паллас, 1773. С. 185]. О нем было известно задолго до путешествия П.С. Палласа. В писцовых книгах, материалах о засечных линиях и др. документах XVII в. есть упоминания о городище Булгар [Руденко, 2014. С. 3]. В начале XVIII в. на его месте было организовано монастырское подворье, и некоторые сооружения были приспособлены под нужды монахов. Некоторые домонастырские строения при этом пострадали — разбирались стены на камень и пр., но, возможно, это предотвратило на некоторое время разграбление памятника местными жителями, что наблюдалось позже после того, как монастырь прекратил свое существование [Руденко, 2014. С. 34–35]. Позже в Болгаре бывали Д.Г. Мессершмидт, Петр I, который распорядился сделать копии надписей на арабском языке и провести работы по сохранению памятника. В советское время при археологических раскопках было обнаружено, что изначально здание было сооружено из белого известняка, а позже одна из стен сложена из кирпича. Кроме того, в отдельном помещении, не исследованном при раскопках XIX в., было открыто несколько эпиграфических памятников [Шарифуллин, 2014. С. 65]. Вероятно, это могло быть связано с распоряжением Петра I. На момент пребывания П.С. Палласа на памятнике в разной степени сохранности имелось 44 сооружения [Салмин, 2020. С. 129]. Одно из них — минарет высотой около 25 м, который имел отремонтированную лестницу в 72 ступени, каждая из которых высотой более 30 см, и деревянную крышу, на которую была нанесена арабская

надпись. Башня имела небольшие сквозные отверстия, выполнявшие роль световых люков. Памятник в реконструированном виде сохранился до наших дней. Рядом с минаретом находилось руинированное четырехугольное здание из плотно уложенных кирпичей и диких камней, которое, по мнению П.С. Палласа, могло быть мечеть. Последующие исследования подтвердили его предположение. Данный объект являлся Соборной мечетью, которая ранее, вероятно, была деревянной [Хлебникова, 1987. С. 60]. П.С. Палласом была описана также «мечеть со сводами» из таких же разных по размеру камней с четырехугольным основанием и восьмиугольным верхом, входом с западной стороны и окнами — с южной, которую «вычинив, посвятили церковь во имя Николая Чудотворца». Многогранные, и в частности, восьмигранные, мавзолеи были широко распространены в мусульманском мире. Э. Д. Зиливинская выделяет их в отдельный тип и видит им ряд аналогий среди мавзолеев на территории Золотой Орды [Зиливинская, 2009. С. 128–129]. Еще одна более низкая и с более толстыми стенами «башня» сохранилась в юго-западной части монастырского подворья с окружавшими ее еще двух четырехугольных зданий — «мечетей». Вероятно, они находились на территории одного из двух кладбищ, имевшихся в Болгаре. На одном хоронили рядовых жителей, другое предназначалось знатным умершим, для которых сооружали богато оформленные надгробия и мавзолеи, а также был построен упомянутый выше минарет [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987. С. 13]. Возле «Малого минарета» исследовано 5 мавзолеев, которые датируются второй половиной XIV — началом XV в. [Аксенова, 2001. С. 211]. Всего на территории Болгара на сегодняшний день исследовано 10 мавзолеев [Аксенова, 2001. С. 206]. Погребения совершены по мусульманской традиции. С учетом того, что среди них присутствуют детские погребения, они могли выполнять роль семейных усыпальниц [Аксенова, 2001. С. 222]. Несколько зданий было описано П.С. Палласом, как здания гражданского назначения — «Монастырский погреб», «Судейский дом», баня. Однако некоторым из них это назначение им было присвоено позже времени создания. П.С. Паллас проводит некоторые аналогии с сооружениями в Касимове, например, с конструкцией мавзолея Шах Али хана и наличием надмогильных камней с надписями [Паллас, 1773. С. 191–192]. Получив перевод надписей с надгробных плит, П.С. Паллас обратил внимание, что у многих стоит один год смерти, из чего он сделал вывод о возможной эпидемии. На некоторых из них были указания, что погребенные происходили из Ширвана. Ученый предположил, что это могли быть купцы, прибывшие сюда по торговым делам, что подтверждалось наличием серебряных и медных монет с арабскими надписями.

По предварительной маршрутной карте экспедиция должна была провести зиму в Царицыне. Но в реальности территория, которую необходимо было обследовать и объем работ, который необходимо было провести, вынудили исследователей остановиться в Симбирске. После зимовки маршрут экспедиции лежал в Нижнее и Среднее Поволжье. Отмечая по пути различные сакральные памятники, мусульманские упоминаются им лишь неподалеку от Орской крепости. И то, он ссылается при этом на описания, оставленные ранее Х. Эйлером и В. Крафтом [Паллас, 1773. С. 396]. Об этом он упоминает в письме Г.Ф. Миллеру, отмечая дружелюбность «киргизов». Там же он упоминает о нескольких фундаментах, оставшихся от мечетей, которые он обнаружил по дороге в Орскую крепость. В намерении проверить сведения Рычкова об этой «четвероугольной Татарской мечети» в «Оренбургской топографии», а также в надежде обнаружить какие-либо рукописи, строение посетил Х. Эйлер. Хотя поездка не оправдала его надежд, он оставил ее описания, на которые, вероятно, и ссылался П.С. Паллас. Памятник весьма почитался казахами, которые хоронили вокруг нее своих умерших [Матвиевская, 2006. С. 93].

В окрестностях современного с. Никольское Кувандыкского района Оренбургской области в XVIII в. был возведен Никольский редут Оренбургской защитной линии. По сведениям П.С. Палласа в районе редута находились остатки строения, которые представляли собой четырехугольный фундамент, вероятно, со стороной 1,5 сажени (3,7 м). К сожалению, сведения об этом памятнике достаточно скудные. Исследователь указывает, что он был сооружен из каменных плит, взятых в окрестных горах, без применения скрепляющего раствора. Плиты были положены одна на другую. Он предположил, что ранее здание могло иметь своды, которые должны были «усиливать художественное впечатление». По предположению П.С. Палласа, т.к. вокруг памятника было множество каменных могильников, то здание могло быть использовано в качестве молельного дома, «какие и сейчас обычно встречаются на татарских кладбищах». Интересным также представляется его замечание о том, что киргизы, проживавшие в близлежащих землях, делали свои надгробия из яшмы. И самые лучшие образцы этого минерала собирают именно на могильниках.

В «Древностях Киргизской степи и Оренбургского края», составленных И.А. Кастанье, данный объект упоминается, как мечеть [Древности..., 1910. С. 43]. Ко времени публикации высота оставшихся стен составляла более 0,7 м, ширина — более 1 м. Указывается предположительное расположение двери с южной стороны фундамента. В отличие от П.С. Палласа, который упоминает о многочисленных захоронениях вокруг, И.А. Кастанье «не мог приметить ни одного могильного кургана» [Древности..., 1910. С. 44]. Вероятно, к

началу XX в. ни одного примечательного надгробия, которые под резцом художника «сделалось бы царским», не сохранилось.

Как упоминалось выше, взаимоотношение мусульманского населения Российской империи с официальной властью были не простыми. Но тем ни менее среди сведений о древних и средневековых памятниках, собранных в ходе реализации исследовательской программы Петербургской Академии наук, и, в том числе, в ходе экспедиции П.С. Палласа, имеются сведения о мусульманских памятниках, среди которых есть и архитектурные сооружения. Постепенное накопление знаний о них привело к тому, что в 1818 г. был открыт Азиатский музей Академии наук в Санкт-Петербурге, который стал первым центром исламоведения в России, что сделало возможным подойти к изучению этой богатой культуры в широком историческом и культурном плане [Маточкина, Стецкевич, 2018. С. 84]. Это придает дополнительный смысл и значение собирательской деятельности участников академических экспедиций XVIII в. в области изучения культур народов Российской империи.

Список литературы

1. Арапов Д.Ю. Исламская политика Екатерины Великой // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2014. № 5. С. 25–37.
2. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2005. 270 с.
3. Бочаров С.Г., Ситдилов А.Г. Изучение памятников Золотой орды в институте археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. 2018. С. 134–137.
4. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Вып. XXII. Оренбург, тип. Тов-а «Каримов, Хусаинов и К-о», 1910. 329 с.
5. Зиливинская Э.Д. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 119–140.
6. Князева М.В., Акимова А.А., Евтюхина Д.В. Касимов. Историко-архитектурное наследие разных конфессий (середина XV–середина XIX века) // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ. 2018. С. 73–76.
7. Макаров Д.В. Дорогами Ислама Центральной России. М.: изд. дом Марджани, 2012. 205 с.
8. Матвиевская Г.П. Астрономические работы Эйлера и Оренбургский край // Из истории математики XVIII века. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2006. 108 с.
9. Маточкина А.И., Стецкевич М.С. Становление российского исламоведения: между

конфессионализмом и научной объективностью (вторая половина XIX–начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 82–106.

10. Мухаметшин Д.Г., Хакирмзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское книжное изд-во, 1987. 128 с.

11. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук, 1773. 776 с.

12. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X–начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 767 с.

13. Салмин К.А. Изучение Среднего Поволжья в Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII веке. СПб.: Нестор-История, 2020. 176 с.

14. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. Москва: Наука, 1987. С. 34–89.

15. Шарифуллин Р.Ф. К истории археологического изучения Болгара // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 56–74.

References

1. Arapov D.Yu. Islamskaya politika Yekateriny Velikoy [Islamic Policy of Catherine the Great]. In: Vestnik MGU. Series 8. Istoriya. 2014. No. 5. Pp. 25–37 (in Russ.)

2. Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Izucheniye drevnostey Yuzhnoy Sibiri nemetskimi uchenyimi XVIII–XIX vv [Study of Southern Siberian Antiquities by German Scholars of the 18th–19th Centuries]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2005. 270 p. (in Russ.)

3. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. Izucheniye pamyatnikov Zolotoy ordy v institute arkheologii im. A.Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan [Study of Golden Horde Monuments at the A.Kh. Khalikov Institute of Archeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan] In: Devyatyye Bol'shakovskiy chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen. 2018. Pp. 134–137. (in Russ.)

4. Drevnosti Kirgizskoy stepi i Orenburgskogo kraya [Antiquities of the Kirghiz Steppe and the Orenburg Region]. In: Trudy Orenburgskoy Uchenoy arkhivnoy komissii. Vyp. XXII. Orenburg, tip. Tov-a "Karimov, Khusainov i K-o", 1910. 329 p. (in Russ.)

5. Zilivinskaya E.D. K voprosu o formirovaniy pogrebal'nykh sooruzheniy naseleniya Nizhnego Povolzh'ya v zolotoordynskoye vremya [On the Formation of Funeral Structures of the Lower Volga Population in the Golden Horde Period]. In: Vestnik Mosk. un-ta. Series 8. Istoriya. 2009. No. 2. Pp. 119–140. (in Russ.)

6. nyazeva M.V., Akimova A.A., Yevtyu-khina D.V. Kasimov. Istoriko-arkhitekturnoye naslediyе raznykh konfessiy (seredina XV–seredina XIX veka) [Historical and Architectural Heritage of Different Confessions (mid-15th–mid-19th Century)]. In: Nauka, obrazovaniye i eksperimental'noye proyektirovaniye. Trudy MARKHI. 2018. Pp. 73–76 (in Russ.)

7. Makarov D.V. Dorogami Islama Tsentral'noy Rossii [Along the Roads of Islam in Central Russia]. Moscow: izd. dom Mardzhani, 2012. 205 p. (in Russ.)

8. Matviyevskaya G.P. Astronomicheskiye raboty Eylera i Orenburgskiy kray [Euler's Astronomical Works and the Orenburg Region]. In: Iz istorii matematiki XVIII veka. Orenburg: izd-vo OGPU, 2006. 108 p. (in Russ.)

9. Matochkina A.I., Stetskevich M.S. Stanovleniye rossiyskogo islamovedeniya: mezhdru konfessionalizmom i nauchnoy ob'yektivnost'yu (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v.) [Formation of Russian Islamic Studies: Between Confessionalism and Scientific Objectivity (Second Half of the 19th–Early 20th Century)] In: Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2018. No. 1. Pp. 82–106. (in Russ.)

10. Mukhametshin D.G., Khakirmzyanov F.S. Epigraficheskiye pamyatniki goroda Bulgara [Epigraphic monuments of the city of Bulgar]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izd-vo, 1987. 128 p. (in Russ.)

11. Pallas P.S. Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii. [Travel through different provinces of the Russian Empire]. Part 1. St. Petersburg: Imp. Akademiya nauk, 1773. 776 p. (in Russ.)

12. Rudenko K.A. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Volzhskoy Bulgarii (X–nachalo XIII v.). [History of the archaeological study of Volga Bulgaria (10th–early 13th century)]. Kazan': GBU "Respublikanskiy tsentr monitoringa kachestva obrazovaniya", 2014. 767 p. (in Russ.)

13. Salmin K.A. Izucheniye Srednego Povolzh'ya v Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk v XVIII veke. [Study of the Middle Volga Region in the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century] St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 176 p. (in Russ.)

14. Khlebnikova T.A. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Bolgarskogo gorodishcha. Stratigrafiya. Topografiya [History of the archaeological study of the Bolgar settlement. Stratigraphy. Topography]. In: Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 34–89. (in Russ.)

15. Sharifullin R.F. K istorii arheologicheskogo izucheniya Bolgara [On the history of archaeological study of Bulgaria]. In: Povolzskaya arheologiya. 2014. No. 3 (9). Pp. 56–74 (in Russ.)

Материал передан в редакцию 01.06.2023

Приложение к статье²

Письмо Г.Ф. Миллеру

27 октября 1769 г., Уфа

Высокоблагородный и достопочтенный господин коллежский советник, высокопочтенный покровитель!

Мне, право, стыдно, что я столь часто оставлял без ответа любезнейшие и наиприятнейшие послания, коими Ваше высокоблагородие оказывали мне честь. Уповая, однако, на Вашу доброту и снисходительность, я надеюсь, что непрестанные разъезды туда-сюда и вообще летние работы послужат достаточным оправданием моего небрежения. Тем более необходимо, чтобы я исполнил свой долг, наместив теперь на зимней квартире упущенное за время странствий по степям.

У Вашего высокоблагородия есть все основания требовать от меня более богатых естественно-исторических коллекций, по мере того как все более длительным становится мое пребывание в поле. Но поскольку мне пришлось провести большую часть этого года в степи, где попадаются только травы и животные, и, следовательно, я смог посетить лишь немногие железные рудники, то я начинаю с сетований и прошу извинения у Вашего высокоблагородия. К тому же в этом году я должен был прежде всего подбирать животных для плохо оснащенной петербургской Кунсткамеры. Все же, насколько это будет в моих силах, я соберу маленькую коллекцию и перешлю ее Вам еще до Нового года вместе с академическими ящиками; при ней будет еще несколько чучел птиц. Не сомневаюсь, что в будущем году, когда я объеду добрую часть оренбургских рудников и побываю у Екатеринбурга, я смогу предложить Вам что-нибудь получше. Но я боюсь слишком долго испытывать Ваше терпение. Не послал я Вам на сей раз и трав, отчасти потому, что не знаю, доставят ли они Вам удовольствие, отчасти же потому, что в таком случае я охотно переправил бы Вам лишь редкие, характерные для глубинных областей Российской империи растения. Таким образом, лучше подождать до той поры, когда я смогу переслать разом большее их количество.

Ваше высокоблагородие правы, когда напоминаете мне о том, чтобы я писал в Академию, а также Вам не только о себе самом, но и, по возможности, о моих не отличающихся аккуратностью господах коллегах. Я почти никогда не упускаю случая упомянуть в моих рапортах о тех господах, с кем я время от времени встречаюсь. И я не знаю, как так случилось, что я не сообщил о г. профессоре

Ловице, которого застал по прибытии в Гурьев в добром здравии и полного сил, хотя ранее он перенес тяжелый приступ кровохарканья. Сразу же после моего отъезда из Гурьева, а это произошло 31 августа, он вместе с г. поручиком Эйлером и г. адъютантом Иноходцовым ушел под парусами и, надеюсь, при тогдашней благоприятной погоде быстро и благополучно добрался до Астрахани. То, что еще до отъезда между ним и г. Эйлером произошла ссора и словесная перепалка, мне рассказал позднее г. бригадир фон Вегезак, который был в Гурьеве нашим хранителем, а в данном случае и примирителем.

О г. адъютанте Крафте я могу столь же достоверно сообщить Вашему высокоблагородию, что 22 или 23 сентября он выехал из Уфы прямо в Самару и будет продолжать там свои наблюдения, поскольку г. профессор Ловиц заверил его через меня, что увидит г. Крафта не ранее 1771 г., когда будут вестись работы на канале в Дмитриевске.

Господин доктор Лепехин стал на зимние квартиры в Табынске. Вот и все, что я достоверно знаю. Но где и в каких условиях обретается бедняга профессор Фальк, о том я имею столь же мало надежных сведений, как, вероятно, и Ваше высокоблагородие, и Академия. Вернувшись из Гурьева в Яицкий городок, я узнал от казаков, ездивших в Сызрань закупать зерно, что в конце августа он как будто был еще в Сызрани. Я полагаю, что оттуда он намеревался отправиться через степь к Яику, однако, по-видимому, задержался в вышеупомянутом городе, став пленником ипохондрии. Между тем я слал ему письма во всевозможные концы, дабы выяснить, где он находится, и узнать о его состоянии, по поводу которого не питаю никаких иллюзий.

Повинуясь также и другому наказу Вашего высокоблагородия, доложу Вам теперь кратко о проделанном до сих пор мною путешествии. Апрель мне пришлось провести в Самаре в ожидании удобного момента, чтобы объехать земли Сиятельного графа Орлова. Окрестности произвели на меня чрезвычайно приятное впечатление благодаря прекрасным растениям и насекомым, а также потому, что здесь можно было ощутить, как бы легкий переход к азиатской флоре.

В первые майские дни я поехал в Сызрань, чтобы встретиться там с управляющим упомянутыми имениями. По пути между Печерской и Костычами я видел скалистый берег Волги, состоящий из известняка; даже у самой Сызрани берег Крымсы прорезают гнезда асфальта, или, точнее, гагата. Под Сызранью, у Кашпура на Волге, я нашел

² Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. Москва: Этерна, 2010. 960 с.: ил. Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=277871>. ISBN 978-5-480-00223-2. Текст: электронный.

пласт плохого сланцевого каменного угля, подобный тому, что я открыл этой зимой выше Симбирска. Там же я видел горы, сплошь покрытые, как снегом, селитряной землей. В графских поместьях мы не нашли ничего примечательного, разве что появилась сибирская флора и встречались прекрасные насекомые, особенно в горах у Жигулихи и Серного городка.

Так прошел май и часть июня, прежде чем я стал подумывать об отъезде из Самары. Наконец я уехал оттуда и направился вдоволь собственно Самарской линии в Оренбург и от души наслаждался прекрасным путешествием по степи при самой благоприятной погоде. Однако, кроме животных и растений, здесь ничего нельзя было найти и собрать. По дороге от Сорочинской все чаще стали встречаться солончаки, а первые появились уже у Бузулуцкой.

В этих краях начинается также и степь, тянущаяся вдоль Самары. Она словно усеяна большими и малыми курганами, из которых лишь немногие раскопаны. В них обычно тоже ничего не находят. Исключением являются несколько особо крупных курганов, но и те уже пострадали от усердных любителей. Я велел раскопать некоторые из них, и всякий раз в самом верхнем слое земли находили массу древесных углей от сожженного хвороста. На глубине 1 1/2 сажени лежали человеческие останки, а возле каждого скелета беспорядочно разбросанные лошадиные кости. Покойник располагался под плитой из песчаника, подобного тому, что встречается в соседнем Общем Сырте (прим. 1).

Между Новосергиевском и Полтавским редутом, где невероятное количество курганов, я нашел у свежераскопанного холма неотесанную каменную глыбу треугольной формы, в верхнем углу которой было высечено *en basrelief* (прим. 2) человеческое лицо, уровень художественного исполнения коего Вашему высокоблагородию, видимо, известен. Она стояла вертикально на восточной стороне холма, на его вершине. Другая плоская глыба мягкого песчаника, длиной до 3 локтей, лежала горизонтально. Последняя, однако, оказалась разбитой, и, насколько я мог судить по обломкам и по рассказам казаков, на ней была выцарапана или выбита целая человеческая фигура. В раскопе, кроме плоского камня, лежавшего над покойником, и кое-каких человеческих костей, я обнаружил также обломки перламутровых украшений, из чего можно заключить, что труды кладоискателей не были напрасными.

Путешествуя по этой местности, я решил, что самое большое количество могильных холмов, или своего рода кладбищ, находилось по ту сторону Самары, там, где возвышается внушительных размеров холм, который мог служить как бы символом. Некото-

рые могильники сверху не засыпаны, особенно наиболее крупные. Один такой необычайно большой курган находится недалеко от Переволоцкой. Но тамошние казаки уверяют, что это было нечто вроде небольшого укрепления, возведенного яйцкими казаками в стародавние времена.

Из Оренбурга я совершил небольшое путешествие в Орскую, но и на этом участке обнаружил мало чего примечательного. У Озерной, с киргизской стороны, стоят фундаменты двух разрушенных мечетей, а вблизи Сакмары расположены несколько горных хребтов, где встречается прекрасный селенит, который казаки из округи употребляют в качестве оконных стекол.

В Губерлинских горах, состоящих сплошь из голых тальковых скал, я нередко находил незрелый асбест, а в разных местах — следы медной руды. Недалеко от истока речки Губерли залегают также прекрасная фарфоровая глина, ненамного уступающая чебаркульской.

У Никольского редута, в поле, стоит памятник старины или молельный дом, от которого теперь остался лишь четырехугольный фундамент в 1 1/2 сажени. Он сооружен без известки или строительного раствора с использованием только каменных плит, положенных одна на другую, из которых состоят здешние горы. Вероятно, были выведены и своды (что могло усилить художественное впечатление). Так как вокруг находится множество сооруженных из каменных глыб могильников, то, очевидно, это была маленькая молельня, какие и сейчас обычно встречаются на татарских кладбищах.

Я бродил в окрестностях Орска по обеим сторонам Яика по чистейшим яшмовым горам и нередко ощущал желание увидеть хотя бы только одну из этих гор на Волге или вблизи Петербурга. У киргизов и их предков здесь сплошь надгробия из яшмы. Если бы сюда еще художника, то он сделал бы их царскими. Лучшие образцы яшмы собирают обыкновенно на этих каменных могильниках, которые всегда сооружались на самых вершинах плоских яшмовых гор, а это, должно быть, стоило тяжких трудов.

Недалеко от Орска находится в степи маленькая мечеть, которую господа Крафт и Эйлер посетили с небольшим отрядом и завладели ею, так что мне не надо было совершать военный поход против миролюбивых киргизов. Кроме того, в степи у Орска я осмотрел еще и медную гору, а у речки Елшанки, выше Орска, примечательный железорудный штрек.

Во время путешествия вниз по Яику ничто меня так не удивило, как Индерское соляное озеро. Как бы ни восхищался Ваш бывший спутник озером Ямышево, мне все-таки с трудом верится, что ему удалось увидеть хотя бы

половину тех диковинок, коими обладает Индерское озеро. Я дважды бывал там проездом. В последний же раз, когда меня сопровождали только 5 казаков, киргизы, расположившиеся большими группами на горах, провожали меня весьма дружелюбно. Озеро кажется небольшим морем, противоположный берег которого, даром что гористый, едва просматривается узкой полоской, поэтому я охотно верю словам моих казаков, что измеренная его окружность составила добрых 80 верст, хотя «Оренбургская топография» приводит меньшую, несопоставимую с этой цифру (прим. 3).

Озеро имеет сходство с долиной, окруженной, как валом, горами. Глубина его столь мала, что всадник может проехать от берега свыше 100 сажень, прежде чем соленая вода дойдет лошади до брюха. Дно везде покрыто толстой соляной коркой, которая часто успевает полностью высохнуть, когда ветер гонит рассол от берега. В случае же выемки соли в жаркую погоду происходит быстрое ее восстановление. Окружающая гористая местность едва ли не более удивительна, чем само озеро, ввиду огромного количества и разнообразия встречающихся там земель, не говоря уже о мелкой соли, скапливающейся на сухом берегу, и многих стекающих с гор в озеро соляных источниках, часть которых содержит серу. Я охотно бы исследовал все окрестности, но казаки нагнали на меня такого страха перед киргизами, какого без них я бы не испытывал. Посему я и не рискнул переночевать в степи и продолжить исследования. Но будущей весной я их непременно проведу с помощью одного из моих студентов.

Между тем на небольшом участке берега протяженностью едва в полторы версты я открыл два вида довольно хорошего каменного угля, гнезда черной, серой, как железо, кофейной и светло-коричневой битуминозной земли, зеленую, голубую, красную, серую и белую глину, сернисто-желтый мергель, ни в чем не уступающий английскому, прекрасную квасцовую землю и различные горные породы. Сами горы в основном состоят из гипсообразной породы и селенита. Но слои залегают столь хаотично, как если бы кто-то усердно все перевернул.

Благодаря степным смерчам я также собрал великолепную коллекцию редчайших азиатских насекомых, которые оказались погребенными в соленой воде и потому сохранились нетленными.

Я не могу похвалиться, что владею многими диковинками Каспийского моря, но должен признаться, что приехал я туда поздно. Все же в окрестностях Гурьева я успел собрать добрый урожай растений и разных новых водоплавающих птиц, а при помощи

нескольких казаков, посланных на Эмбу, за получил также и знаменитую птицу под названием красный гусь, которую еще не видели в Петербурге. Поскольку я запакую ее в особый ящичек, то Ваше высокоблагородие можете вскрыть багаж в Москве и посмотреть на этот редкостный экземпляр; однако при распаковке и упаковке прошу действовать с осторожностью.

Этой осенью я послал в Петербург под присмотром двух солдат еще один зоологический курьез южных степей, а именно две пары молодых сайгаков и киргизского барана с пятью рогами, но до сих пор пока не знаю, доехали ли они живыми. В этом году, по наблюдениям старожилов, из-за недостатка корма в степи сайгаки появлялись на Яике и Самаре чаще, чем когда-либо. Они бродили по горам в таком количестве, что десять казаков, с которыми я ездил в первый раз на Индерское озеро, за один только день довольно быстро настреляли 17 сайгаков.

Мое письмо, как я вижу, получилось чересчур длинным, так что оно непременно наскучит Вашему высокоблагородию, и я рад, что в значительной мере исчерпал свою тему. Мне остается лишь выразить искреннейшую благодарность и признательность за доброту, с которой Ваше высокоблагородие до сих пор столь часто и разными способами аккуратнейшим образом пересылает мне академические пакеты и новости, а недавно переправили еще и пакет от г. доктора Маута и часть научных газет и журналов. Насколько я могу судить по Вашим письмам, ни один пакет не затерялся, и если Ваше высокоблагородие и далее пожелаете адресовать все письма, как и прежде, любезнейшему и дружелюбному господину губернатору в Оренбург, то они будут доходить вернее и быстрее, нежели через любой другой канал.

И вот еще о чем я должен сказать. Ваше высокоблагородие спрашивает, исследовал ли я местонахождение белужьего камня. До сего дня эти мои исследования не были успешными, да и случая, дабы сделать их таковыми, не представлялось. Но я уже давно решил совершить зимой путешествие вниз по Яику, а затем от Гурьева к астраханским ватагам (прим. 4) для того, чтобы восполнить упущенное и сделать эти и другие полезные наблюдения. Я рад, что Ваше высокоблагородие придерживаетесь здесь того же мнения, что и я.

Заканчивается страница, и потому я должен в нескольких словах засвидетельствовать мое глубочайшее почтение и преданность, с каковыми я всегда пребываю

Вашего высокоблагородия покорнейший слуга П.С. Паллас.

[P.S.] Капитан Рычков, которому я велел этим летом объехать местности между Черемшаном, Камой и Иком, собрал там, особенно в Билярске и на Чертовом Городище, различные древности, относительно коих он получил указания, о чем я сообщу на днях Вашему высокоблагородию.

P.S. После письма в 3 листа еще и постскриптом! Это, конечно, переполнит чашу терпения Вашего высокоблагородия. Ваше почтенное послание от 30 сентября, вместе с вложенной справкой из Комиссии касательно выплаты денег жене моего рисовальщика (прим. 5), оставшейся [в Петербурге], и любезным письмом г. доктора Риндера, — все это, полученное мною непосредственно перед отправкой оренбургской почты, побуждает сделать настоящее отступление от темы. Непостижимая непоследовательность Симбирской канцелярии проявляется в том, что она отправляет назад адресованное мне письмо, хотя месяцем ранее сама же писала мне в Яицкий городок. Я предполагаю, что письмо побывало непосредственно в руках симбирского коменданта, который, видать, частенько спит с открытыми глазами, и, возможно, как раз тогда впал в такое вот состояние.

Я мог не заметить потери или задержки этого письма, тем более что оно было от Комиссии, с которой у меня нет постоянной переписки. В то же время, случись пробел в моей корреспонденции с Академией, я бы это сразу почувствовал. Но впредь я буду сообщать точные данные о получении всех писем, всегда аккуратно мною помечаемых. Еще лучшим средством избежать любых случайностей была бы нумерация писем, если бы не связанные с этим некоторые затруднения.

Я не премину ответить г. доктору Риндеру и поблагодарить его за любезно сообщенные известия, а также выразить глубокую признательность Вашему высокоблагородию за заботу о доставке этого письма. Я осмеливаюсь также обратиться к Вам с покорнейшей просьбой о пересылке приложенного здесь письма г. доктору Мауту, в котором находятся мои послания в Берлин и образец нужной мне бумаги.

От руин Сарачика ничего уже не осталось, кроме длинного, проходящего по Яику вала, где нынешние казаки поставили форпост, фундаментов большого кирпичного здания, расположенного в центре, и мечети. Наконец, посреди площади можно заметить следы канала, который, по-видимому, служил водопроводом из Яика. Черепки фаянса, или фарфора, хотя и грубого, но с очень красивой расцветкой и толстой глазурью, маленькие кусочки шлифованного сердолика и хрустала да несколько серебряных и медных монет, — вот и все, что можно найти там из древностей. Монеты, однако, совершенно разъедены здешней влажной солончаковой почвой, серебряные же большей частью превратились в разновидность известняка. *Nitraria schoberi* (прим. 6) растет в этом старом городе в изобилии и, кажется, предпочитает засоленные почвы, преимущественно ранее обжитые места.

Вынужден добавить еще один постскриптом (прим. 7), дабы дать пояснение к забавной истории, содержащейся в письме Вашего высокоблагородия от 9 сентября, касательно женитьбы г. Крафта. Если бы было сказано, что г. Крафт страстно влюбился в Оренбурге в некую девицу фон Эттингер и пленился ею, как глупый пастушок, это известие соответствовало бы истине. Но дело, пожалуй, могло бы закончиться без женитьбы.

Комментарии

1. *В тексте*: Овцем Сырте.
2. Барельефное (франц.).
3. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1. С. 217. По данным П.И. Рычкова, окружность озера составляла 26 верст и 100 сажен.
4. Ватага — рыболовное хозяйство, в котором обрабатывается и складывается пойманная рыба.
5. Речь идет о жене Николая Дмитриева. См. примеч. 6. док. № 21.
6. *Nitraria schoberi* — современное название: селитрянки Шобера.
7. Постскриптом приписан сбоку на л. 85.

Е.С. Духанина

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств
имени А.Д. Крячкова
Красный пр-т, 38, г. Новосибирск, 630099
e.dukhanina@nsuada.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9767-165X>

Современная классификация клубных зданий

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к классификации клубных зданий. Обобщена общепринятая типологическая структура зданий клубов, принятая на основе уровней триад и предложенная группой архитекторов в 1990-ых годах. Актуализирован подход к классификации социальному статусу, обобщены авторские и общепринятые классификации зданий клубов. Обозначены новые типы клубных зданий, такие как деловой и студенческий клуб, и их место в современной классификации.

Ключевые слова: современная классификация клубов, классификация клубных зданий, здания клубов, современные клубные здания

E.S. Dukhanina

Kryachkov Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts
Krasny Prospekt, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
e.dukhanina@nsuada.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9767-165X>

Modern classification of club buildings

Abstract

The article discusses modern approaches to the classification of club buildings. The generally accepted typological structure of club buildings, adopted on the basis of level triads and proposed by a group of architects in the 1990s, is generalized. The approach to the classification of social status is updated, the author's and generally accepted classifications of club buildings are generalized. New types of club buildings, such as business and student clubs, and their place in the modern classification are designated.

Keywords: modern classification of clubs, classification of club buildings, club buildings, modern club buildings

Введение. Здания клубов стали с начала 1920-ых годов ведущим типом общественных зданий. Первые учреждения клубного типа были созданы с целью организации отдыха и досуга рабочих, их воспитания и обучения, и получили название рабочих клубов. В 1920 г. клуб был проводником политики советской власти, воспитателем масс, формированием нового мировоззрения. В 1930–1950-е гг. наступает «расцвет» в строительстве клубных зданий: уже сложившаяся тенденция воспитания и приобщения к культуре внутри клубов повлекла за собой усложнение планировочного решения клубов в виде увеличения клубной части, а также разработку типовых проектов зданий клубов разной вместимости.

С 1950-х до середины 1980-х г. клубы становятся частью социальной инфраструктуры микрорайонов, как детские сады и школы. «Перестройка» и распад СССР, а также их последствия в виде экономического и культурного кризиса в стране, негативно отразились на развитии государственных учреждений культуры, многие из которых были закрыты

из-за отсутствия финансовых средств на их содержание. В период с 1990-х по настоящее время наблюдалось «затишье» в сфере строительства клубных зданий, типология этого здания на время исчезла из архитектурной деятельности.

Сегодня здания клубов продолжают выполнять функции культурно-досуговых учреждений, особенно в малых городах и селах. Благодаря отсутствию альтернативных площадок для проведения мероприятий различного уровня (концертных и выставочных залов, театров, спортивных комплексов), здания домов и дворцов культуры остаются востребованными. В крупных и крупнейших городах многие досуговые учреждения закрылись, не справившись с экономическими проблемами и конкурентами в лице новых общественных центров — торгово-развлекательных центров, больших многофункциональных комплексов и т.д. Появились и новые форматы клубной деятельности, связанные с современными предпочтениями городского населения.

Для того, чтобы актуализировать функции зданий клуба и понимать их объемно-пространственную модель, необходимо актуализировать знания о классификации клубов и обозначить новые типы клубных зданий.

Полученные результаты. Клубы — общественные организации досуговой деятельности, являющиеся территориальной структурной единицей, организующие культурно-развлекательную и образовательную функцию для населения, проживающего на соответствующей территории. [Гельфонд А.Л., 2006, с. 146] Сегодня здания клубов и досуговых учреждений проектируется в соответствии с двумя основополагающими документами: Справочным пособием к СНиП «Проектирование клубов», изданным Стройиздат в 1991 году, и СП 118.13330.2022 «Общественные здания и сооружения», обновленном в 2022 году.

На протяжении эволюции клубных зданий архитекторами и исследователями предлагалась различная классификация клубов. Одно из первых комплексных исследований архитектуры клубных зданий было издано в 1953 году большой группой архитекторов В.Е. Быковым, И.П. Домшлаком, Я.А. Конфельдом, В.Л. Кулагой, И.Е. Мальциным, С.З. Островской, Н.Г. Уманским. В их трудах по архитектуре рабочих клубов и дворцов культуры предложена классификация по нескольким критериям, которые стали базовыми:

I. по контингенту, обслуживаемому клубом: рабочие клубы, колхозные клубы, детские клубы, клубы работников учреждений, клубы городской интеллигенции, воинские клубы, дворцы культуры;

II. по району культурного обслуживания: общегородские, районные городские, фабрично-заводские, поселковые;

III. по величине и вместимости клубного здания: малые клубы с залом до 400 мест, средние клубы с залом до 750 мест, большие клубы с

залом до 1000 мест, дворцы культуры с залом свыше 1000 мест. [Архитектура рабочих клубов ... 1953. с. 126]

Современная типологическая структура клубных зданий берет свое начало с классификации клубов по триадам, предложенной в 1990-ых годах группой архитекторов Е.К. Милашевской, Н.Е. Прянишниковым, М.Р. Савченко. В их классификации исходной областью, в пределах которой можно различить клуб и клубную типологию, является досуг. Досуг понимается как сфера развития сущностных сил человека, как движущая сила развития трудовой и бытовой сферы жизни и даже как особый культурный институт, стимулирующий все общественное развитие, как рычаг всех общественных трансформаций, постановщиком нововведений, регулятором культурных и хозяйственных преобразований.

Опираясь на эти методологические основания, авторы книги последовательно выводят иерархически расположенные триады своей классификационной модели клуба:

1. Базовая триада: труд — быт — досуг.
2. Триада: клуб — зрелище — творчество.
3. Клубообразующая триада: пространство — субъект деятельности — организация.
4. Стадиальная триада клуба: клуб-сооружение — клуб-учреждение — клуб-институт.
5. Уровневая триада клуба: досуговый клуб — клуб общего профиля (профильный клуб) — любительский клуб. [Е.К. Милашевская, Н.Е. Прянишников, М.Р. Савченко, 1990, с. 198–199]

Именно уровневая триада и выведенные авторами типы клубов [табл. 1] были взяты за основу современной типологии клуба.

Таблица 1. Уровни и типы клубов по Е.К. Милашевской, Н.Е. Прянишникову и М.Р. Савченко

Уровни развития клуба	Авторское название уровня клуба	Количество типов клуба	Типы клуба
Нулевой уровень развития	Предклубный тип досуга	0	Клубные формы общения растворены в синкретичном досуге
Первый уровень развития	Досуговый клуб	2	Традиционный клуб Поисковый клуб
Второй уровень развития	Профильный клуб	4	Зрелищный клуб Развлекательный клуб Информационный клуб Студийный клуб
Третий уровень развития	Любительский клуб	8	Эстетический клуб Игровой клуб Экологический клуб Изобретательский клуб Шефский клуб Политический клуб Исторический клуб Клуб ремесел

В Справочном пособии к СНиП, разработанном специально по проектированию клубов и других объектов клубно-досугового назначения в 1991 г., сегодня предложена самая актуальная классификация, которой пользуются проектировщики и сегодня. Типологические ступени клубных зданий можно

представить в виде следующей схемы (Ил. 1). Далее каждая ступень имеет свою классификацию, основанную на различных критериях. Так досуговые и профильные клубы делят по вместимости универсального зала или гостиной, а любительские клубы классифицируют по контингенту.



Ил. 4. Типологическая структура клубных зданий. Графическая реконструкция автора.

Fig. 4. Typological structure of club buildings. Graphic reconstruction of the author.

Досуговые клубы — первая ступень клубной типологии, небольшой (в структуре микрорайона города или сельского поселка) или относительно крупный центр досуга (в городском центре или центре сельского административного района) с универсальными пространствами и многоцелевыми зрелищными, развлекательными, физкультурно-оздоровительными комплексами.

Досуговые клубы разделяются на типы:

1. малые клубы с универсальной гостиной вместимостью от 50 до 250 посетителей (Д1);
2. клубы с универсальным залом вместимостью от 250 до 1500 посетителей (Д2);
3. клубы с универсальной рекреацией вместимостью от 250 до 1000 посетителей (Д3);
4. развлекательные, физкультурно-развлекательные и иные комплексы клубного досуга вместимостью от 150 до 1000 посетителей (Д4). [СНиП 2.08.02-89, 1999]

Клубы общего профиля — это вторая ступень клубной типологии, здания которой совмещают в себе зрелищную часть (зрительный зал, фойе) и клубную часть (помещения для отдыха и развлечений, лекционно-информационные и студийно-кружковые помещения). Располагается на периферии клубной сети (городские жилые районы, средние и малые города вблизи областного центра, центральные усадьбы колхозов и совхозов и т. д.).

В крупных и крупнейших городах необходимо предусматривать и профильные клубы с преимущественным развитием или зрелищных, или лекционно-информационных, или развлекательных, или студийных групп помещений.

Типы клубов общего профиля, согласно Справочному пособию к СНиП, рекомендуется принимать по ряду отношений вместимостей их частей [табл. 2].

Таблица 2. Примерный состав и вместимости групп помещений разных типов клубов общего профиля

Группы помещений	Примерные вместимости групп помещений клубов общего профиля, чел., по типам																	
	I (1;0,2-0,3)			II (1;0,4-0,5)			III (1;0,7-0,8)			IV (1;1-1,2)			V (1;1,5-1,7)					
	при общей вместимости клуба, чел.																	
	200	250	400	250	300	450	750	350	500	850	1200	650	1100	1500	2100	750	1300	1800
Зрелищная часть	150	200	300	150	200	300	500	200	300	500	700	300	500	700	1000	300	500	700
Клубная часть	50	50	100	100	100	150	250	150	200	350	500	350	600	800	1100	450	800	1100
В т.ч. группы помещений:																		
Для отдыха и развлечений	10	10	50	50	50	50	100	50	75	150	200	150	200	300	500	200	300	500
Лекционно-информационная	15	15	25	25	25	50	75	50	75	100	150	100	200	200	300	100	200	300
Кружково-студийная	25	25	25	25	25	50	75	50	75	100	150	100	200	300	300	150	300	300

Любительские клубы — третья и высшая ступень клубной сети. Они формируются в основном в крупных и крупнейших городах регионов с высоким уровнем социально-экономического развития, а также в городах и поселках с высоким культурным потенциалом.

Любительские клубы обычно возникают на базе развитой клубной и зрелищной сети населенного места, первоначально в составе крупных клубов профильных или общего профиля, а также на инициативной основе. В настоящее время типология любительских клубов находится в стадии формирования. Доля любительских клубов в крупнейших городах составляет сейчас около 10% сети.

Примерное разделение типов любительских клубов по видам деятельности следующее:

- клубы самодеятельного творчества;
- клубы активного отдыха;
- клубы коллекционеров и знатоков;
- клубы ремесел и техники и пр.

Отдельно стоит отметить, что в строительной документации здания клубов имеют разные организационные статусы, такие как дворец культуры, дом культуры, городской клуб, сельский клуб. Это ранжирование связано с привязкой к административно-территориальным единицам города и не является признаком классификации.

Среди современных исследователей клубов и досуговых учреждений встречается и авторские классификации. Так в своей работе «Технология организации инициативного клуба» Туев В.В. предложил классифицировать клубы по социостатусу на:

1. автономные клубы, аутосистемы, т.е. клубы, создающиеся и функционирующие вне связи с какими-либо другими структурами (закрытые);

2. клубы в клубе, т.е. клубные объединения в системе клубных учреждений, или любых других социально-коммуникативных структур;

3. клубы — субстанции, первоячейки, основания для создания социокоммуникативных структур более высокого порядка: организаций, партий, союзов и т.д.;

4. клубы — надстройка, рупор социальных организаций, добровольно дополняющие агитационные, просветительные и коммуникативные функции в них. [Туев В.В., 1999, с.32–33]

В.В. Туев рассматривает в своих исследованиях инициативный клуб и основополагающим фактором в своей классификации называет цель организации клуба и его место в структуре социальной среды. Так как российская сеть клубных зданий имеет сложную

уровневую структуру, предложенная классификация не является полной и может использоваться для деления любительских клубов.

Современных авторских классификаций клубных зданий не много, как и комплексных исследований актуального состояния самой клубной сети. Для описания видов клубов в основном используют общепринятую классификацию из строительной документации, а также в отдельных случаях упоминают деления клубов по доступности на *закрытые* и *открытые*. Стоит отметить, что с появлением новых форм клубных зданий появляется деление на *частные формы клубных зданий* и *государственные клубы*. К частным формам клубных зданий автор относит здания и комплексы, построенные и существующие за счет частных финансовых вложений. К ним можно отнести арт-резиденции, творческие дачи, деловые клубы. Последние становятся очень востребованной формой клубного здания в связи с новыми социально-экономическими преобразованиями в России и динамикой развития современных деловых отношений.

В рамках национальной программы «Культура» для культурного развития села были разработаны проекты мобильных клубов, что также является новым типом досугового учреждения. Это комплексы, которые без труда должны трансформироваться в сцену, кинотеатр или библиотеку. В 2019 году было 100 таких передвижных клубов в 21 субъекте Российской Федерации, сегодня эта программа также реализуется в новых регионах. По мобильности сегодня можно говорить о *стационарных зданиях клубов* и *мобильных*.

Еще одним важным делением на сегодняшний день авторы считают классификацию клубов по социальному статусу. Стоит отметить, что в клубной типологии сегодня выделяется такой вид, как молодежные центры или студенческие клубы. Эти здания представляют собой малое общественное здание клубного типа, направленное на организацию досуга молодых людей. В крупных городах сегодня молодые люди посещают дворцы культуры реже, чем дети или пенсионеры, поэтому организация досуга молодежи в пространстве, соответствующем их потребностям, стала актуальной сегодня.

Таким образом, классификация по социальному статусу могла бы выглядеть следующим образом:

- а) детские клубы;
- б) молодежный центр (студенческий клуб);
- в) общего профиля;
- г) специализированные (женские / мужские клубы).

Выводы. Типологическая структура клубных зданий России имеет сложную уровневую структуру и представлена в строительной документации в виде ступеней. Каждая ступень имеет свою классификацию, основанную на различных критериях.

1. Досуговые клубы:

1.1. малые клубы с универсальной гостиной вместимостью от 50 до 250 посетителей (Д1);

1.2. клубы с универсальным залом вместимостью от 250 до 1500 посетителей (Д2);

1.3. клубы с универсальной рекреацией вместимостью от 250 до 1000 посетителей (Д3);

1.4. развлекательные, физкультурно-развлекательные и иные комплексы клубного досуга вместимостью от 150 до 1000 посетителей (Д4).

2. Клубы общего профиля:

2.1. I (1; 0,2–0,3);

2.2. II (1; 0,4–0,5);

2.3. III (1; 0,7–0,8);

2.4. IV (1; 1–1,2);

2.5. V (1; 1,5–1,7).

3. Любительские клубы.

На основе других критериев, современную классификацию клубных зданий можно представить следующим образом:

I. По контингенту:

а) дворец и дом культуры / досуговый центр;

б) клубы городской интеллигенции;

в) воинские и ветеранские клубы;

г) спортивные клубы;

д) деловые клубы;

е) научные и арт-резиденции;

ж) политические клубы;

II. По социальному статусу:

а) детские клубы;

б) молодежный центр (студенческий клуб);

в) общего профиля;

г) специализированные (женские/мужские клубы).

III. По доступности:

а) открытые;

б) закрытые.

IV. По способу финансирования:

а) частные клубы;

б) государственные клубы.

V. По мобильности:

а) Мобильные;

б) стационарные.

Список литературы

1. Архитектура рабочих клубов и дворцов культуры. М.: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре. 953. 312 с.

2. Гельфонд А.Л. Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений: учебник. / А.Л. Гельфонд. М.: Архитектура-С, 2006. 280 с.

3. Милашевская Е.К. Клубы. / Е.К. Милашевская, Н.Е. Прянишников, М.Р. Савченко. М.: Стройиздат. 1990. 247 с.

4. Туев В.В. Технология организации инициативного клуба: учебное пособие для вузов искусств и культуры. М.: МГУКИ. 1999. 250 с.

References

1. Arhitektura rabochih klubov i dvorcov kul'tury [Architecture of workers' clubs and palaces of culture]. Moscow: Gos. izd. literatury po stroitel'stvu i arhitekture. 953. 312 p.

2. Gel'fond A.L. Arhitekturnoe proektirovanie obshchestvennyh zdaniy i sooruzhenij. [Architectural design of public buildings and structures]. Moscow: Arhitektura-S, 2006. 280 p.

3. Milashevskaya E.K. Kluby [Clubs]. E.K. Milashevskaya, N.E. Pryanishnikov, M.R. Savchenko. Moscow: Strojizdat. 1990. 247 p.

4. Tuev V.V. Tekhnologiya organizacii initsiativnogo kluba. [Technology of organizing an initiative club]. Moscow: MGUKiI. 1999. 250 p.

Список источников

1. Справочное пособие к СНиП 2.08.02-89 «Проектирование клубов». М.: Стройиздат. 1999.

Материал передан в редакцию 06.07.2023

Architectural development landmarks of Cascade complex in Yerevan

Abstract

The Cascade Complex is one of main concepts of Yerevan master plan composed from 1924 by Alexander Tamanyan. Design and execution of the complex passed through complicated circumstances which required contradiction solutions created by several architectural reasons. The establishing phase hinted on ecological refinement of continental conditions of Yerevan from the beginning 20th century. The implementation and the beginning of the construction from 1970-1980ies until the dissolve of Soviet Union in 1991, bear the image of national traditional style of environment design concentrating on massive external stairs and courtyards of artificial green and water surfaces, as well as inner spaces connected by the mean of series of escalators. In 1990-ies for financial reasons the construction activities stopped at Cascade. In the year 2002 the Cascade complex privatized to renowned benefactor Gerard Cafesjian, who had the intention to create an Art Center at the complex in 2009. So the establishment regenerated into environment design of Modern world culture of monumental arts, promoting a new covered museum zone. Currently the museum zone is abandoned by the reason of lost at the stuck markets from 2011. In order to find an outcome of the situation, there are alternative projects on way now. Actually the complex is returning back to its starting concept updated by new environment elements of world culture included within the Cafesjian Art Center.

Keywords: Cascade complex in Yerevan, promenades, master plan of Yerevan from 1924, Eco-corridor, city green belt, environment design

Д.Г. Кертменджян

Национальный университет архитектуры и
строительства Армении
Ул. В. Теряна, № 105, Ереван, Армения 0009
dakertmenjyan@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9714-3256>

Современные проблемы комплекса «Каскад» в Ереване

Аннотация

Комплекс «Каскад» является одной из основных концепций генерального плана Еревана, составленного в 1924 году Александром Таманяном. Проектирование и исполнение комплекса проходили через сложные обстоятельства, которые требовали противоречивых решений, созданных несколькими архитектурными причинами. Этап становления намекал на экологическую утонченность континентальных условий Еревана с начала 20-го века. Реализация и начало строительства с 1970–1980-х годов до распада Советского Союза в 1991 году носят образ национального традиционного стиля дизайна среды, концентрирующегося на массивных внешних лестницах и дворах из искусственных зеленых и водных поверхностей, а также внутренних пространствах, соединенных с помощью ряда эскалаторов. В 1990-х годах по финансовым причинам строительные работы на Каскаде прекратились. В 2002 году каскадный комплекс приватизирован известным благотворителем Жераром Гафесчяном, который в 2009 году передал его на создание Арт-центра. Комплекс перерожден в среду дизайнерского комплекса современной мировой культуры монументального искусства, включающего новую крытую музейную зону. В настоящее время музейная зона заброшена по причине затерянных на застрявших рынках с 2011 года. Для того, чтобы найти выход из ситуации, сейчас разрабатываются альтернативные проекты, которые иницируют предпосылки 21-го века в качестве продвижения по делу. Фактически комплекс возвращается к своей первоначальной концепции, обновленной новыми элементами мировой культуры, включенными в Арт-центр Гафесчян.

Ключевые слова: Комплекс «Каскад» в Ереване, променады, генеральный план Еревана 1924 года, экокореидор, городской зеленый пояс, дизайн среды

Introduction. The Cascade Complex is one of main consisting part of Yerevan master plan prepared by Alexander Tamanyan in 1924¹. As much the ensemble has been described and analyzed by different authors², but its developments of 21st century are future subject of art study yet.

The main problem of the presented article is the description of the complex and analysis of sustainable architecture principles included, as well as reveal of art synthesis of Architecture and arts integrated within 21st century, which converted the complex into open sky and indoor museum within the urban space of Yerevan.

Scientific objectives are as following: 1. the study of the concept, 2. Analysis of the design and construction phase of the complex from 1970-ies and until 21st century, 3. privatization of the complex and its conversion into open sky and covered museum complex from the year 2000 and later, 4. the study of current situation.

General Information. Cascade etymologically means a water fall which intended to gentle the continental climate condition of Yerevan by the mean of Greening and raising the humidity of the urban space.

Actually the Cascade is a massive stair complex which combines the down town area of Old Yerevan with the northern highland relatively on 118 m. level. That so created a slope of stairs under 15 degree declination which is 308 m long and 50 m wide³.

The location of the complex is on the northern edge of the axis of Yerevan extending towards the Art square once and renamed as Square of France today. From there is the direction of North avenue and the Republic Square. Next to them are: 2750 anniversary fountains, Stepan Shahumyan square, 2800 anniversary fountain alleyway, the New Municipality square and the Wine cellars at the ancient entrance of the city once. The Cascade complex directly related with the layout composition of Yerevan which designed as a Garden city, an enfilade system of successive squares, as well as the promenades composing an entire eco corridors. Pedestrian avenues and transportation network of streets throughout the city [Kertmenjian, 2019, Pp. 61–69].

A. Little bit of history and future venues

In 1967 laid the ground of the upper part of Cascade which dedicated to 50-year anniversary of establishment of Soviet Armenia. The lower part of the ensemble designed

in 1970-ies (architects Jim Torosyan, Sargis Gurzadyan, Aslan Mkhitarian), but the construction activities held only in 1980-ies until the dissolve of Soviet Union in 1991.

In 1990-ies for financial reasons the construction activities stopped at Cascade.

In 2002 the Cascade complex privatized to renowned benefactor Gerard Cafesjian, who handed to begin the second phase of Cascade area development into Museum-Institute. Cafesjian declared a closed competition by the participation of world renowned architectural firms such as: Bernard Schumi studio from France, MVRDV Design office from Netherlands and coop Himmelblau from Vienna. However, it is fact that the corresponding 3 projects added a museum zone above the court yards on the central axis of the stairs [Kertmenjian, 2019, Pp. 61–69]. Later the results of the competition developed by David Hutson office from New-York. Within this process the Cascade complex renamed as Cafesjian Art center in 2009, as well as the complex enriched by decorative arts and sculptures owned by G. Cafesjian.

Currently the museum zone is abandoned by the reason of lost at the stuck markets by the owner from 2011. But this does not mean that the construction activities stopped entirely. The massive stair complex and the Art Center remained active. As well as there are explorations of new projects to replace the abandoned museum area. The new attempts in fact are in sense of new regenerations followed by contemporary architecture in Armenia, such as: The New Municipality square in Yerevan, the Airport complex of Zwartnots, the medieval manuscript center of Matenadaran, the Museum of celebrated composer Komitas, the regeneration of 1915 Genocide Complex, regeneration of Stepan Shahumyan square in Yerevan, the promotion of St Ejmiadzin Holy Chair etc. [Kertmenjian, Pp. 226–228].

B. Documentation

In order to be more obvious, let to do a documentation standup, beginning from landscape location of Cascade. The system of harmony in Yerevan is by terms of "Mother Armenia" monument as Hierarchy. The Composition center is in behalf of Old Yerevan centered by the Republic Square, and the system of Promenade network as main axes of the city.

The Master plan of cascade being on a strategic location in the system of harmony described above, is consisted of the following main parts⁴:

¹ For description and details of 1924 Master Plan of Yerevan see: [Григорян, Товмасын, 1986].

² On the study of Cascade complex there are many studies exist. But no any of them have complete information and especially not presented the regenerations of the complex 21st century. [Mediamax. Yerevan Cascade, 2012]: see the opinions of following authors: sculptor Artashes Hovsepian, art critic: Anush TerMinasyan, architect and Author Jim Torosyan, architect Alexandre Danielyan, Architect Edward Balasanyan, Journalist Anna Zulfugharyan, celebrated singer Ofelia Hambarzumyan, Architect Author Aslan Mkhitarian, Broadcaster Susanna Perchyan etc.

³ For the illustrations of Cascade are used the materials of the Gallery attached to [iArmenia: Armenian History].

⁴ Because of the presented material is a descriptive presentation of the complex, there are no citations, as

– **The 50-years anniversary complex**, is a combination of “Obelisk of rebirth” and a “Crown hall” designed by tiers of 50 fountains and sitting places around a memorial column at the center. However, all around the indicated monuments there are vast watching squares facing the city’s panorama. Under the memorial area passes a highway arriving from Antarayin district towards southern and Northern quarters of Yerevan today. Crossing the highway, the road enters to the remaining of museum zone and from there to the upper courtyard of the extensive stairs.

– **The massive stair complex**, is an original environment design masterpiece of Architecture. Actually it is the datum of the complex which is possible to have the potential to be a business center composed of different entertainments. The complex designed as flanking outdoor and indoor spaces having halls of different exhibition types. The outdoor spaces are water falls associated by green spaces and terraces. Meanwhile the indoor spaces are associated by a series of escalators and galleries. The number of the stairs included is 572 steps. Very picturesque are the courtyards which have certain standard order of environment design.

Every courtyard has triangular side elevations and a rectangular facade at the back. The plans are rectangular in shape too. They canonically include a central pool and other water falling basin under the main fountain and some others on both side elevations having traditional Armenian decors.

Behind the central façade as usual exist a hall having an entrance from left side. There are other entrances on every side facade too. From left is the entrance leading to the escalator hall and the other for temporary exhibition rooms. The décor on the courtyards are of different academic types of sculptures and reliefs. The indoor halls are 13 in number as general, some of them are for “one work” demonstration and others have different exhibition content.

The Cafesjian Art Center, is an uncial complex consisted of following parts:

1. The escalator complex consisted of seven successive stairs combining the 0 level until the new museum zone. On the 0 level are delivered the main lobby and the reception. Towards right of the lobby is a vast pleasant hall include an education center and a shop for new books etc.

2. On next levels are other lobbies which are leading to the corresponding courtyards. Beside the escalators are stepping surfaces exposing different monumental exponents of World modern art. Beside there are auxiliary rooms for the personnel, as well as several exhibition halls.

3. Consisting parts of the Art center are the promenades at both ends of the complex. Here the visitor enjoys good examples of Modern Art. If the inner halls are for paintings and design art, the exterior spaces are for environment design initialized by sculptures and artifacts etc.

4. The expositions of the Art Center mainly present the art pieces belonged to G. Cafesjian. The works are including masterpieces of famous artists, such as Deil Jihuli, Fernando Bolero, Jenifer Bartelti, David Broyer-Veily, Ji Yong Hoy, Barry Flangani, Jouame Elaenza, Francois Csavie Lalan, Juana Vasconcelos, Peter Voktuk and many others.

5. Actually the museum consists of 2 separate sections: the external “Cafesjian Sculpture Garden”, and the internal “Cafesjian Art Galleries”.

The Cafesjian Sculpture Garden is the front garden of the cascade where many sculptures are exhibited. Sculptures are also exhibited in the garden terrace along the massive steps and fountains ascending up from the Tamanyan street gardens. Within there are unobstructed walkways, long vistas, and formal garden areas, it has been specially designed to provide a modern setting for large-scale sculpture by many internationally recognized figures mentioned above.

The “Cafesjian Art Galleries” include the *Gallery One, Khanjyan Gallery, Eagle Gallery, Sasuntsi Davit Garden Gallery, Star Landing and the Special Events Auditorium*, located underneath the exterior staircase and fountains. The galleries are home to a massive collection of glass artwork exhibited in several galleries and sections, including permanent shows or temporary exhibitions⁵.

– **The New museum zone**

The project of D. Hutson is not published yet. Collecting from several illustrations, Possible to describe that, the complex designed in the sense of the existing courtyards. Actually the project estimated for 100 million USA \$ according to the prices of the year 2008. The fund of the Cafesjian Center at the maximum range had 30 million \$ US.

C. Some Hasty Results

According to brief study carried on, it is due to recognition that the architectural development of Cascade Complex in Yerevan has the following landmarks:

1. The developments from 20th century which include 2 following main phases.

a. Conceptual phase which is purely for ecological solution conducting the eco corridor of Hrazdan valley nearby the city site, the

much the internet materials are too much which are repeating each other and are not methodical.

⁵ For more detail see: G. Cafesjian Art Center site.

network of promenades including the North Avenue, Main Avenue and city Green Belt directions.

b. The implementation of the idea, as a massive stair complex and series of escalators of the Art Center. All with the external and inner environment design carried out within 1970-ies and until 21st century.

2. The developments from 21st century, including the following alterations:

a. The privatization of the complex and addition of new museum zone on the sixth level of the courtyards within the massive stair complex.

b. The creation of Cafesjian Art center including the inner and external environment design exponents of World Contemporary Art examples.

c. The most critical problem of the Cascade complex is the lack of funding today. Actually the complex stopped its construction because of dissolve of Soviet Union which obliged to privatization of the complex in the year of 2002. The benefactor changed the profile of the complex from environment design of national attitudes into museum and art center. The next crisis was because of the lost in stuck markets. Which caused a lack in budget availability? This led into third crisis requesting a third phase of regeneration on the new alternative projects proposed.

3. The other problem of Cascade rehabilitation is the creation of stylistic unity. Actually the original design of the complex in its original term was authentic national style of traditionalism. But the next phase led the way toward modern international style of architecture which created by European and American offices.

4. A part of the latter is in behalf the rise of problematic architecture in the practice. Because of the climate changes in last decades obliged the use of sustainable, green and eco-architecture principles [Newbolt, 2008, Pp.1–41]. Actually the original Architecture is not advanced one from the point of technology. The used construction material is travertine which is exposed to deterioration currently. Other problem is the design of the building parts, especially in outdoor areas and the surfaces which are dealing with water fall. For the alternative new projects, it is obligatory the

use of energy conservation, water supply renewable methods etc. At least it is desirable to follow the sustainable methods of public buildings used in different countries. Actually the Cascade is a sustainable element in the context of Yerevan which implemented by the garden city, enfilade system of squares and radial-circular structure of transportation and main streets designed as pedestrian promenades and Green belt. Hereby the ecological concepts of the city and the promenades are condensed in the face of the eco-corridors, green architecture and enrichment of the environment humidity.

5. As confirmed by new project performed, the new attitudes are developing towards a return to original design and excluding the added museum zone from the context of the Cascade complex.

References

1. Григорян А.Г., Товмасын М.Л. Архитектура Советской Армении. Москва: Стойиздат, 1986. Pp. 42–52 (In Russ).
2. Kertmenjian D. The Promenade in Contemporary Architecture of Yerevan. In: Proceedings of 11th International Conference Contemporary Problems of Architecture and Construction. Yerevan-Armenia, October 14–16, 2019. Pp. 61–69.
3. Kertmenjian D. Regeneration as a Development Method for Contemporary Armenian Architecture. In: Second International Conference, and integration of education, science and business in modern environment: summer debates. Dnepr, August 17–18. Pp. 226–228.
4. Newbolt B. Climate Change. Oxford, 2008. Pp.1–41. ISBN 978-0-19-423631-7.

Sources

1. Mediamax. Երեւան. XX դար. Երեւանի Կասկադը՝ կենդանի պատմություն [Yerevan. XX Century. Yerevan Cascade: Living History]. 17.05.2012. URL: <https://mediamax.am/am/news/yerevan-xx-century/5009> (accessed May 30, 2023)
2. iArmenia: Armenian History, Holidays, Sights, Events. URL: <https://www.iarmenia.org/yerevan-cascade/> (accessed May 30, 2023)
3. G. Cafesjian Art Center. URL: <https://www.facebook.com/cafesjiancentercascade/> (accessed May 30, 2023)

Материал передан в редакцию 25.05.2023

Современные вызовы сохранения и популяризации древних местностей Республики Армения

Аннотация

Открытие армянских древних местностей насчитывает около ста лет. Это связано с археологическими раскопками, благодаря которым накопились богатые материалы движимого и недвижимого, а также материального и нематериального наследия. В то же время возникают проблемы сохранения этого наследия. Со временем подходы различны и претерпели изменения. Ранее осуществленные в древних поселениях реставрационные и консервационные меры по сохранению носили частичный, локальный характер. Вопросы восстановления этих комплексов и сохранения их исторической среды в статье обсуждаются в контексте практических и профилактических мероприятий. Отмечена важность того обстоятельства, что модернизация наследия сегодня возможна, когда оно рассматривается как социальная, культурная и научная ценность, интегрированная в современные социокультурные процессы. Программа музеефикации историко-культурного заповедника «Столица Двин» рассматривает создание музейно-туристического кластера как приоритетное направление. Она дает возможность включить в одну систему музеев (здесь в экспозицию включены также раскопанные части города), археологические объекты, ландшафт, выставки реструктуризации определенных сфер жизнедеятельности древних обществ, индустрию питания и развлечений. Беспокойство вызывает состояние музеев Республики Арцах (Нагорный Карабах), которые в результате 44-дневной Арцахской войны оказались в подчинении Азербайджана. Музей Тигранакерта, основанный на территории древнего поселения, во время войны неоднократно подвергался бомбардировкам, а после нее — был разрушен.

Ключевые слова: археологические городища, музей-заповедник, столица Двин, архитектурное наследие, охрана

L.V. Kirakosyan
National University of Architecture and Construction of Armenia
105 Teryan St., Yerevan, Armenia, 374009
kirakosyanlyuba@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-6177>

Modern challenges of preserving and popularizing ancient sites of the Republic of Armenia

Abstract

The discovery of Armenian ancient sites has a history of about a hundred years. It is associated with archaeological excavations, thanks to which rich materials of tangible and intangible, as well as movable and immovable heritage have been accumulated. At the same time, the problems of preservation of this heritage arise. Over time, approaches have varied and undergone changes. In the past, restoration and conservation measures implemented in ancient sites were partial, local in nature. The issues of restoration of these complexes and preservation of their historical environment are discussed in the article in the context of practical and preventive measures. The fact that the modernization of heritage is possible today, when it is considered as a socio-cultural and scientific value, integrated in modern socio-cultural processes, was highlighted. The museumization program of the "Capital Dvin" historical and cultural reserve considers the creation of a museum-tourist cluster a primary requirement. It makes it possible to include in one system the museum (excavated parts of the city are also included in the exhibition), archaeological objects, landscape, exhibitions of reconstructions of certain spheres of activity of ancient societies, food and entertainment industry. The condition of the museums of the Republic of Artsakh (Nagorno-Karabakh), which came under the control of Azerbaijan as a result of the 44-day Artsakh war, is worrying. The archaeological museum of Tigranakert, which was based on the territory of the ancient site, was repeatedly bombed during the war, and then destroyed.

Keywords: Archaeological sites, reserve-museum, capital Dvin, architectural heritage, conservation

Введение

История зарождения и формирования идей и принципов сохранения и реставрации армянских историко-архитектурных памятников, и комплексов началась в конце XIX–начале XX веков. Работы проводились в Армении наряду с раскопками и исследованиями в городе Ани и в средневековых армянских комплексах Звартноца (с 1903 года). Это были первые научные попытки в истории сохранения и консервации армянских памятников [Реставрация архитектурных памятников, 2003].

Особенно активизировался процесс археологических раскопок памятников, восстановления поселений и сохранения их исторической среды после Второй мировой войны. Именно тогда были проведены раскопки в Аргиштхинили, в Армавире, в Эребуни, в Тейшебаини, в Арташате, в Гарни, в Двине и других городищах, благодаря которым стало возможным осуществление мер по сохранению историко— архитектурных памятников и их окружающей среды.

Периодические раскопки древних поселений Республики Армения, длящиеся более 100 лет, выявили богатый материал об архитектуре и градостроительстве различных этапов исторического развития Армении. В то же время вопросы сохранения этого потенциала культурного наследия всегда были проблематичными. Со временем применяемые подходы претерпевали значительные изменения. Ранее осуществленные в древних поселениях реставрационные и консервационные меры по сохранению, носили частичный, локальный характер [Саргсян 2005]. Модернизация наследия сегодня возможна в случае, если оно рассматривается как социальная, культурная и научная ценность, интегрированная в современные социокультурные процессы.

Наличие памятников, обнаруженных в последние десятилетия археологическими раскопками в Республике Армения и Нагорном Карабахе (Арцах), имеет огромное научное значение, в то же время сегодня возникают опасения по поводу сохранения архитектурных руин и восстановления окружающей среды так как археологические комплексы в основном оказываются под открытым небом, подвергаясь опасности разрушения и уничтожения.

В последние годы в международной практике в концепциях сохранения историко-культурного наследия доминирующими становятся тенденции от «точечного» изучения отдельных памятников к комплексной охране культурных ландшафтов и мест обитания. В связи с этим Республика Армения приняла

политику формирования и развития историко-культурных и археологических музеев-заповедников. Для сохранения и популяризации национальной культуры важное значение придается также созданию этнопарков [Геворгян 2013, 140–151].

Раскопки, проводимые в городище Тигранакерт в Арцахе [Kirakosyan 2019] и в столице средневековой Армении Двине, сделали возможным параллельно с полевыми исследовательскими работами осуществить как профилактические охранные мероприятия, так и разработать методологию для консервации и использования архитектурно-археологического наследия. Этот опыт предлагается сделать применимым и для других армянских поселений (Шенгавит, Эребуни, Тейшебаини, Арташат и т. д.) [Kirakosyan 2019].

В конвенциях по охране памятников и окружающей среды подтверждается, что сохранение наследия без участия общественности невозможно, из-за чего должны быть предприняты образовательные мероприятия по формированию и развитию общественного мнения о ценности наследия [Даян 2016].

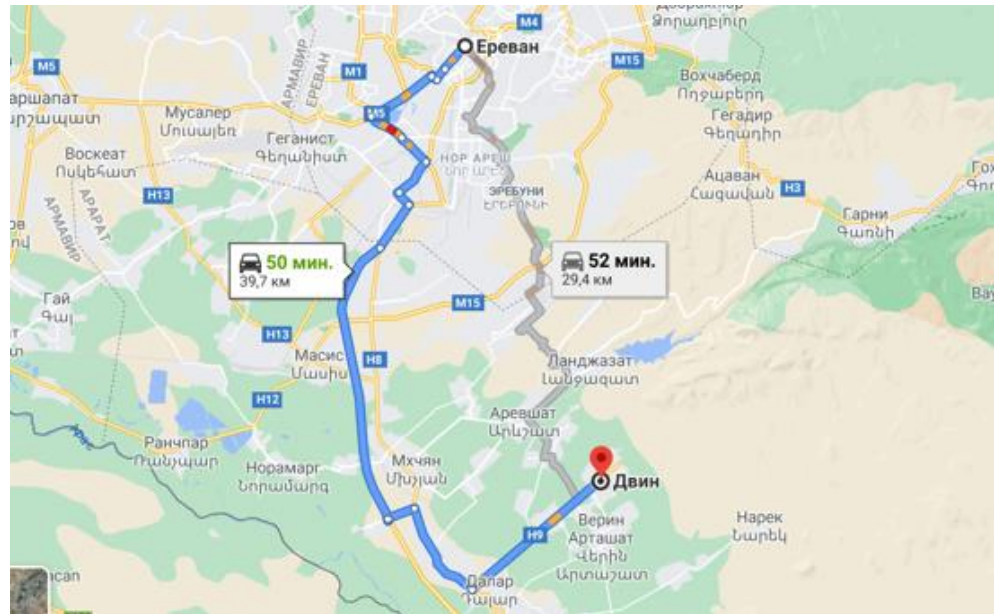
Международный опыт сохранения памятников и археологических городищ подчеркивает музеефикацию [Веденин 2009]. В Армении такие музеи были созданы в поселениях Шенгавит, Мецамор, Арин Берд-Эребуни, Кармир Блур-Тейшебаини, Двин, Тигранакерт.

Действующие историко-культурные заповедники музеи «Звартноц», «Гарни», «поселение ЗорацКарер» и другие, а также историко-археологический заповедник «Эребуни» сегодня пытаются реконструироваться для противостояния современным вызовам.

Сегодня мы обеспокоены тем, что городище Тигранакерта после войны в Нагорном Карабахе оказалось в подчинении Азербайджана и, с точки зрения сохранения, находится под угрозой. Разрушена также экспозиция археологического музея Тигранакерта, которая открылась еще в 2010 году [Петросян, Киракосян 130–132].

Материалы и методы

Историко-культурный заповедник «Столица Двин» создан правительством РА в 2021 году (государственный указатель 3.53.1). Руины средневековой столицы Армении Двин находятся на территории сел Хнаберд, Верин Двин, Верин Арташат, Норашен, Айгестан, примерно в 30 км к югу от Еревана и занимает 12.72126 гектаров территории (Ил. 1).



Ил. 1. Расположение городища Двина. Схема автора. Подложка Google Maps.
Fig. 1. Location of the Dvina settlement. Author's scheme. Google Maps background.

Город основан армянским царем Хосровом III Котакком (330–338), который перенес сюда армянский двор в 330–331 годах [Kalantarian 1996].

Двин — многослойный памятник. Был заселен с 3-его тысячелетия до нашей эры по XIII века нашей эры. В течение десятков лет были изучены и раскопаны остатки многочисленных культовых и светских сооружений на территории цитадели города и его окрестностей. В верхней части холма находятся ру-

ины цитадели города, у подножия — сооружения делового центра города. Здесь находятся две церкви, католический и королевский дворцы. Все они относятся к раннему средневековью. Среди светских построек Двина примечательно здание рынка, открытое к юго-востоку от цитадели, с тремя внутренними улицами и шестью рядами гостиниц-магазинов (Ил.2). Разрушен во время нашей эры вследствие землетрясения. Восстановлен в IX веке, и окончательно разрушен в XIII в.



Ил. 2. Руины города Двина. 1 — цитадель города, 2 — центральный квартал, 3 — рынок города, 4 — местобудущего музея. Схема автора.
Fig. 2. Ruins of the city of Dvina. 1 — the city citadel, 2 — the central quarter, 3 — the city market, 4 — the site of the future museum. Author's scheme.

Двин застроен тремя этапами: IV–VII вв. VIII–IX вв. и XI–XIII вв. и претерпел значительные изменения во времени. Двин, будучи крупным торговым центром Ближнего Востока, был известен развитым ремеслом, а также виноделием.

Город в 1899 году исследовал Николай Марр, в 1907–1908 годах — архимандрит Хачик Дамян, в 1936–1939 годах раскопки были проведены во главе Степана Тер-Аветисян, в 1946–1976 годах экспедицией руководил Каро Кафадарян [Кафадарян 1952, 1982], а с 1976

года — Арам Калантарян [Kalantarian 1996]. С 2019 года археологические раскопки в Двине возобновились¹ [Petrosyan, Nucciotti, Pruno, Squilloni, Vardanesova, Kirakosyan 2022].

И сегодня ведутся раскопки на том месте, где будет построен Двинский музей. Раскопки открывают новые замечательные слои истории города и находки (Ил.3). Эти обнаруженные раскопками участки планируется включить в экспозиции музея, который будет построен в будущем.



Ил. 3. Руины раскопанного участка Двина в 2023 году.

Fig. 3. Ruins of the excavated section of Dvin in 2023.

Древний город Двин, несмотря на свое богатое культурное наследие, не является активным туристическим центром. Находясь на туристическом маршруте Север-Юг, он был главным образом древним местом и только. Был известен и доступен узкому кругу заинтересованных (археологи, культурологи, архитекторы, ученые в этой области и немногие посетители).

Материалы, обнаруженные археологическими раскопками, начавшимися еще в конце 19 века, недостаточно представлены и в основном находятся в хранилищах. Городище Двин рассматривалось как научно-исследовательская территория, в то время как потенциал города вполне достаточен для того, чтобы стать не только научно-исследовательским, но и туристическим центром.

Предпринимаются попытки противостоять современным вызовам сферы и по-новому представиться. Еще в 2017 году была

утверждена программа «Музеефикация исторической столицы Армении Двина»².

Цель программы — укрепить и сохранить Двин как историческую столицу и историко-культурную ценность Армении, а также улучшить, восстановить и перестроить инфраструктуру прилегающих территорий, чтобы сделать ее привлекательным местом для туризма.

Эта программа уже в действии. Частично укреплены и восстановлены церкви и руины дворцов центрального квартала, построены пешеходные дорожки (Ил. 4). Ведутся работы по окончательной разработке проекта здания музея. При музее планируется построить также кабинеты для археологических экспедиций, где в наиболее благоприятных условиях будут осуществляться процессы восстановления, учета и хранения находок. Это даст возможность улучшить научный потенциал Двина, способствовать местному и международному научному сотрудничеству.

¹ Руководитель Двинской археологической экспедиции — д. и. Гамлет Петроян, архитектор экспедиции — д. арх. Люба Киракосян

² Заказчик — Фонд развития Армении, а разработчик рабочего проекта — Архитектурный офис «Бедросяна».



Ил. 4. Центральный квартал Двина после консервации.
Fig. 4. The central quarter of Dvina after conservation.

Параллельно с улучшением условий работы ученых, центр Двин объединит свой туристический потенциал с научным потенциалом, в результате будет предоставлена уникальная в своем роде инфраструктура, где сохранение и популяризация памятника осуществляется комплексно.

Планируется также разработать специальные ограничения для системы охранных зон города, которые не будут максимально нарушать археологические слои и, в случае необходимости, дадут возможность для разведочных фрагментарных раскопок.

В программах музеефикации территорий, богатых археологическими объектами, важно создание музейно-туристического кластера, что и планируется в Двине.

Он дает возможность объединить в единую систему музей, археологические объекты, ландшафт, экспозиции реорганизаций отдельных сфер жизнедеятельности древних обществ, индустрию организации питания и развлечений.

Одним из важных требований формирования археологических заповедников является наличие развитой дорожной сети в непосредственной близости от музейных поселений, что есть у Двина.

Реализация программы позволит заинтересованным сторонам (органы государственного управления и местного самоуправления, научные организации и ВУЗы, а также

международные структуры) наладить активное и эффективное сотрудничество.

Полученные результаты

Научное исследование древних местностей Республики Армения дало возможность:

- накопить богатое недвижимое и движимое культурное наследие, которое нуждается в сохранении и популяризации;

- определить охранные зоны среды и ландшафта древних местностей и создать историко-культурные заповедники;

- осуществить комплексные мероприятия по сохранению историко-архитектурной среды и памятников, благоустроить территорию, сделать ее доступной для общего и научного туризма;

- укрепить, частично восстановить археологические и архитектурные строительные руины. Представить виртуальные реставрации;

- констатировать, что процесс возврата историко-архитектурной среды и памятника общественности с самого начала является конечной целью исследования. Если ценность памятника доказана, то мероприятия по его сохранению и реализации проектов не составят труда, поскольку роль культурного наследия для развития регионов становится все более важной.

Выводы

Музеефикация исторической столицы Двина может стать одним из лучших попыток современной музейной индустрии Армении, целью которого является сохранение, популяризация богатого культурного наследия и удовлетворение интересов и потребностей посетителя.

Внедренные методы и комплексная работа по сохранению памятников и окружающей их среды Двина направлены на сохранение нерушимости исторического ландшафта, популяризацию и восстановление историко-архитектурной среды.

Подход, предложенный в Двине, приемлем и для других исторических местностей Армении и удовлетворяет современным требованиям.

Список литературы

1. Веденин Ю. Основные положения концепции развития музеев-заповедников. Москва: РНИИ, 2009. 179 с.
2. Геворгян Л. Этнографические музеи в контексте пропаганды национальной культуры //Наследие и современность :Инф. Сб. Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. М., 2013. Вып. 20. С. 140–151.
3. Даян Н. Проблемы охраны и защиты культурного и природного наследия в международных конвенциях и законах. Ереван: Изд-во «Ван Арьяна», 2016. 210 с. (на арм. языке).
4. Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. В двух частях. Ч. 1. Ереван: Изд-во Академии наук Арм ССР, 1952. 298 с. (на арм. языке).
5. Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. В двух частях. Ч. 2. Ереван: Изд-во Академии наук Арм ССР, 1982. 162 с. (на арм. языке).
6. Петросян Г., Киракосян Л. Археологический музей Тигранакерта, Музей. Ереван, 2010. № 2.С. 130–132 (на арм. языке)
7. Реставрация архитектурных памятников, Учебное пособие. Ереван: Изд-во «Дар», 2003. 280 с. (на арм. языке).
8. Саргсян Г. Основы сохранения памятников истории и культуры. Ереван: Изд-во «Мугни», 2005. 122 с. (на арм. языке).
9. Kalantarian A. Dvin. Historie et archéologie de la ville médiévale. Париж, 1996. 192с. (на франц. языке).
10. Kirakosyan L.V. The issues of the archaeological complex conservation in Armenia and Nagorno-Karabakh // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 2019, Volume 698, Issue 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/698/3/033049> (дата обращения: 30.05.2023) (на англ. языке).
11. Kirakosyan L.V. Preservation of Archeological Sites in Armenia. // Баландинский чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: НГУАДИ, 2021. Том XVI. С. 39–46. (на англ. языке).
12. Petrosyan H., Nucciotti M., Pruno E., Squilloni L., Vardanesova T., Kirakosyan L. The Armenian-Italian Joint Expedition at Dvin. Report of 2021 Activities. // Armeniaca. 2022. Том. 1. С. 199–230. (на англ. языке).

References

1. Vedenin Yu. Osnovnyye polozheniya kontseptsii razvitiya muzeyev-zapovednikov. [Basic Provisions of the Concept of Development of Museum-Reserves]. Moscow: RNI, 2009. 179 p. (In Russ)
2. Gevorgyan L. Etnograficheskiye muzei v kontekste propagandy natsional'noy kul'tury. [Basic Provisions of the Concept of Development of Museum-Reserves]. In: Naslediye i sovremennost' : Inf. Collection of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named D.S. Likhachev. Moscow, 2013. Issue 20. Pp. 40–151.
3. Dayan N. Problemy okhrany i zashchity kul'turnogoiprirodnogonaslediya v mezhdunarodnykh konventsiyakhizakonakh. Yerevan: "Van Ar'yana", 2016. 210 p. (In Armenian)
4. Kafadaryan K. GorodDviniyegoras-kopki [The City of Dvin and Its Excavations]. Part 1. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the ArmSSR, 1952. 298 p. (In Armenian)
5. Kafadaryan K. GorodDviniyegoras-kopki [The City of Dvin and Its Excavations]. Part 2. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the ArmSSR, 1982. 162 p. (In Armenian).
6. Petrosyan G., Kirakosyan L. Arkheologicheskii muzeyTigranakerta, Muzey [Archaeological Museum of Tigranakert, Museum]. Yerevan, 2010. No 2. Pp. 130–132. (In Armenian)
7. Restavratsiyaarkhitekturnykh pamyatnikov, Uchebnoyeposobiye [Restoration of architectural monuments, Textbook]. Yerevan: "Dar", 2003. 280 p. (In Armenian).
8. Sargsyan G. Osnovysokhraneniya pamyatnikovistoriikul'tury [Fundamentals of preservation of historical and cultural monuments]. Yerevan: "Mugni", 2005. 122 p. (In Armenian).
9. Kalantarian A. Dvin. Historie et archéologie de la villemédiévale [Dvin. History and archaeology of the medieval city]. Paris, 1996. 192 p. (In French).
10. Kirakosyan L.V. The issues of the archaeological complex conservation in Armenia and Nagorno-Karabakh // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 2019, Volume 698, Issue 3. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/698/3/033049> (accessed May 30, 2023)
11. Kirakosyan L.V. Preservation of Archeological Sites in Armenia. In: Balandinskiye chteniya. Novosibirsk, 2021. Volume XVI. Pp. 39–46.
12. Petrosyan H., Nucciotti M., Pruno E., Squilloni L., Vardanesova T., Kirakosyan L. The Armenian-Italian Joint Expedition at Dvin. Report of 2021 Activities. In: Armeniaca. 2022. Volume 1. Pp. 199–230.

Материал передан в редакцию 29.05.2023

А.С. Фуникова

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Красный проспект, д. 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
funikovaann@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8166-4605>

Научный руководитель: Н.П. Журин, кандидат архитектуры, профессор

Архитектурное наследие микрорайона «Красная горка» в городе Новосибирск

Аннотация

В данной статье исследуется архитектурное наследие микрорайона Красная горка в городе Новосибирск. В работе рассматриваются архитектурные особенности микрорайона, включающие элементы стилей первого и второго возрождения Авангарда, а также характерные особенности зданий, выполненных в стилистике сталинского ампира и послевоенного неоклассицизма. Также в статье описывается история создания микрорайона, как градостроительного образования, социальная инфраструктура которого создавалась с учетом функциональных и эстетических требований советского периода. Кроме того, в статье выявляются причины необходимости сохранения и реновации архитектурных объектов изучаемого микрорайона, являющихся объектами культурного наследия Новосибирской области.

Ключевые слова: архитектурное наследие, микрорайон Красная горка, объект культурного наследия Новосибирской области, архитектурный облик, градостроительное образование, послевоенный Неоклассицизм, Сталинский ампира

A.S. Funikova

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts
Krasny Prospekt, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
funikovaann@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8166-4605>

Scientific adviser: N.P. Zhurin, Candidate of Architecture, Professor

Architectural heritage of the Krasnaya Gorka microdistrict in Novosibirsk

Abstract

This article examines the architectural heritage of the Krasnaya Gorka microdistrict in the city of Novosibirsk. The paper examines the architectural features of the neighborhood, including elements of the styles of the first and second Renaissance of the Avant-garde, as well as the characteristic features of buildings made in the style of the Stalinist Empire and post-war neoclassicism. The article also describes the history of the creation of the microdistrict as an urban-planning formation, the social infrastructure of which was created taking into account the functional and aesthetic requirements of the Soviet period. In addition, the article identifies the reasons for the need to preserve and renovate architectural objects of the studied microdistrict, which are objects of cultural heritage of the Novosibirsk region.

Keywords: architectural heritage, Krasnaya Gorka microdistrict, object of cultural heritage of the Novosibirsk region, architectural appearance, urban planning education, post-war Neoclassicism, Stalinist Empire

Введение. Современный Новосибирск представляет собой центр инновационных технологий и промышленности. На сегодняшний день город имеет развитую жилую и социальную инфраструктуру. Но не всегда было так: в первые послевоенные годы жилищная проблема стала одной из самых острых в городе. Один из путей ее решения — развитие микрорайонов и новых районов жилой застройки. Один из таких микрорайонов — Красная горка, стал символом новой эпохи развития градостроительства в городе.

В 2021 г. исторический квартал был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия. В число охраняемых вошли не только постройки в границах квартала, но и десять скульптур, созданных архитектором Геннадием Арбатским. По мнению экспертов, «Красная горка» — это редкий и ценный для Новосибирска фрагмент хорошо сохранившейся цельной градостроительной планировки и застройки жилого района при крупном промышленном производстве. Речь идет об НЗХК — одном из первых предприятий ядерного топливного цикла СССР.

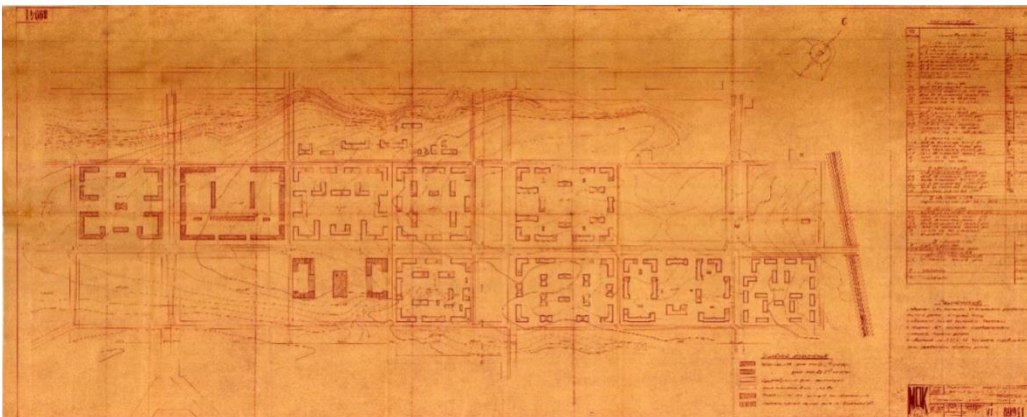
Цель данной статьи состоит в том, чтобы провести анализ архитектурного наследия микрорайона Красная горка и показать его вклад в историю градостроительства Новосибирска и Сибири. В работе рассматриваются особенности архитектуры микрорайона, типовые дома, социальная инфраструктура и ее роль в жизни города. Исследование основано на архивных материалах, литературных источниках и результатах современных архитектурных исследований.

В итоге, данная статья вносит важный вклад в изучение истории градостроительства Новосибирска и Сибири, а также помогает сохранить архитектурное наследие микрорайона Красная горка для будущих поколений.

Методы и инструменты. Для достижения цели статьи были использованы различные методы исследования, такие как архивное исследование, в ходе которого были изучены архивные документы, связанные с проектированием и строительством микрорайона «Красная горка», что позволило получить нам информацию о первоначальном замысле и концепции проектирования микрорайона. В аналитическом исследовании были проанализированы публикации и источники, связанные с развитием градостроительства в Новосибирске и Сибири в целом. Это позволило рассмотреть микрорайон Красная горка в контексте истории градостроительства, выявить общие тенденции и закономерности развития города, а также сравнить архитектурные решения микрорайона с другими объектами градостроительства в регионе.

Микрорайон Красная горка расположен в южной части города Новосибирска и занимает площадь более 40 гектаров. В микрорайоне располагаются более 70 зданий различного назначения: жилые дома, общественные и нежилые здания. Основной архитектурный стиль микрорайона — сталинский ампи́р, перетекающий во второй Авангард. Большинство зданий выполнены в форме типовых домов, которые характеризуются простотой и лаконичностью формы. Такие здания строились на протяжении многих лет в разных регионах СССР и являются своеобразной «визитной карточкой» советской архитектуры.

Исследуемый микрорайон был создан в 1950-х годах в рамках масштабной программы по строительству новых городов и микрорайонов по всей территории СССР. В этой программе Новосибирск стал одним из ключевых городов, который сосредоточил в себе множество новых застройщиков и архитекторов из разных уголков Советского Союза. Жилой комплекс создавался в соответствии с генеральным планом города Новосибирска 1932 года, который предполагал освоение данной территории под жилое строительство развивающихся в окрестностях промышленных предприятий: Трикотажного комбината, Завода горного оборудования (ЗГО) — позднее Сибмашстрой, Экскаваторно-ремонтного завода, а с 1949 года — и будущего НЗХК. Является редким и ценным для Новосибирска фрагментом хорошо сохранившейся цельной градостроительной планировки и застройки, которая была создана в качестве жилого района крупного промышленного производства — одного из первых предприятий ядерного топливного цикла СССР (ил. 1).



Илл. 1. Генеральный план жилого посёлка «Красная горка». 1954 год. [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 584. Л. 32]

Fig. 1. The master plan of the residential village "Krasnaya Gorka". 1954. [NGA. 578. 3. 584. P. 32].

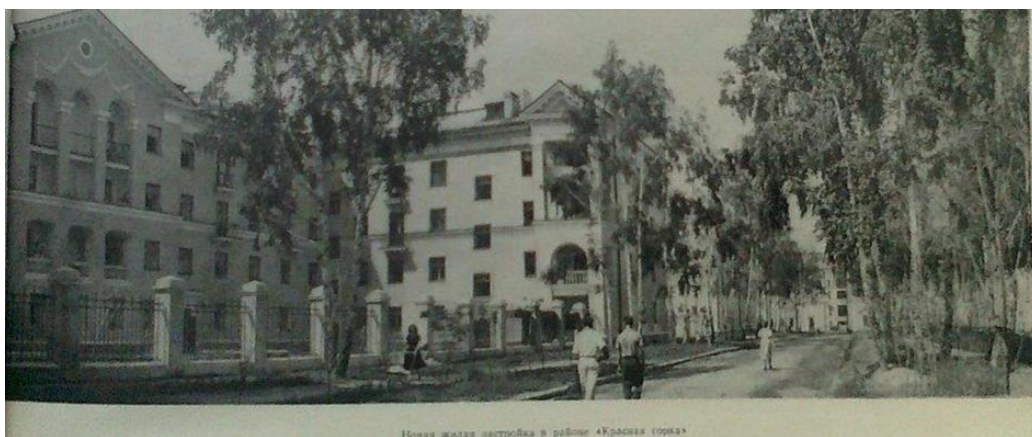
Как градостроительное образование, «Красная горка» наиболее полно воплощает идею создания локальной комфортной среды проживания специалистов промышленного предприятия, выполненной на высоком качественном уровне, где обеспечена градостроительная целостность, композиционно-пространственная выразительность, стилевое единство, высокий уровень благоустройства

и озеленения. Задача создания уютной для человека среды решена за счет особенностей объемно-пространственного взаимодействия объектов, в т.ч. комплексным решением кварталов и прилегающих территорий, сохранением развитием естественных лесных массивов, качественным искусственным озеленением [Калюжная 2017].

Архитектурный облик микрорайона «Красная горка» — свидетельство эволюции архитектурной парадигмы советского государства, происходившей в период с конца 1940-х по начало 1960-х годов. Кварталы застроены зданиями трех разных морфотипов, соответствующими периодам строительства, но возводившимися в рамках единой градостроительной концепции и выдержанных в общих масштабно-высотных характеристиках:

- двух-, трехэтажные здания, оформленные в неоклассическом стиле;
- четырех-, пятиэтажные здания, оформленные в духе «сталинского ампира»;
- пятиэтажные здания, воплощающие идеи функционализма («хрущевки») (ил. 2).

Завершение застройки жилого поселка Красная Горка произошло в начале 1960-х годов. Оно было связано с изменением градостроительной парадигмы, декларированном Постановлением № 1871 ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», которое завершило эпоху советского 18 монументального классицизма. Принцип регулярной квартальной застройки с высоким уровнем благоустройства сохранялся, но архитектурный облик и планировка зданий были полностью откорректированы в соответствии с курсом на массовое решение жилищной проблемы в СССР.



Ил. 2. Краснодонский 1-й переулоч и жилой дом с курдонером. Фото середины 1950-х годов [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 596. Л. 44]

Fg. 2. Krasnodonsky 1st Lane and a residential building with a court-doner. Photofromthemid 1950s. [NGA. 578. 3. 596. P. 44]

Еще в статье главного архитектора Новосибирска В. Терехина, опубликованной в журнале «Архитектура СССР» за 1957 год, сообщалось, что разработан новый перспективный проект застройки и планировки района «Красная Горка» [Терехин 1957]. Он предусматривал стандартизацию строительства, применение типовых проектов крупноблочных домов, размещение культурно-бытовых учреждений в отдельных зданиях. Внутриквартальное пространство озеленяется, выделяются спортивные и детские площадки, хозяйственные площадки. Применение различных цветов в окраске фасадов должно было внести оживление в застройку. Окончательно архитектурный облик района «Красная горка» сформировался в конце 1960-х годов при возведении спортивно-культурного центра улицы Богдана Хмельницкого в кварталах 38 и 40. Он включал три 9-этажных жилых дома (1966–1967 гг.), клуб «Отдых» (1967 г.), бассейн «Нептун» (1969 г.) и новый закрытый ледовый дворец спорта «Сибирь» (1977 г.).

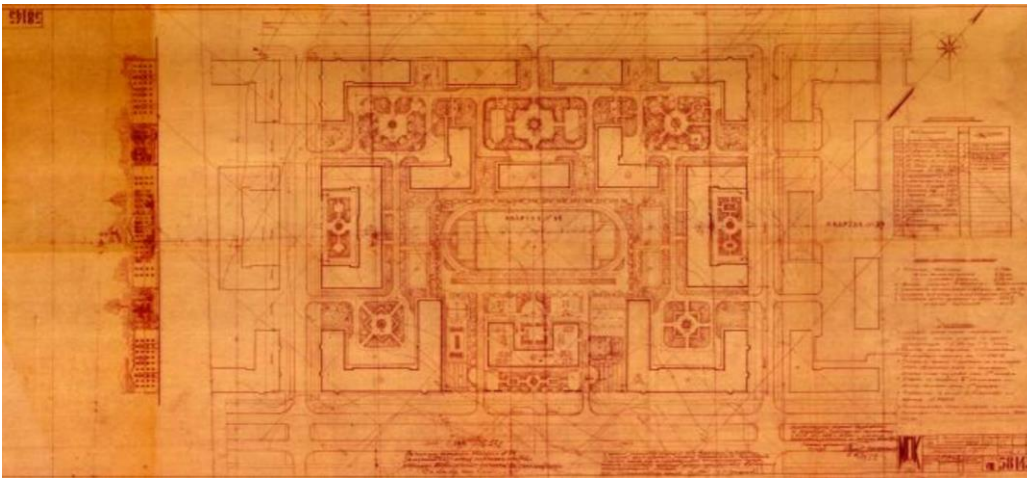
Приложением № 1 и № 2 к приказу управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области от 06.02.2017 № 25 были утверждены особенности (предмет охраны) выявленного

объекта культурного наследия — достопримечательного места «Красная горка».

Квартал № 34 находится на территории жилого поселка «Красная горка» (г. Новосибирск, ул. Богдана Хмельницкого). Он ограничен улицей Богдана Хмельницкого, Краснодонским 2-м переулком, улицей Александра Невского, Краснодонским 1-м переулком. Квартальная разбивка территории будущего поселка «Красная горка» была сделана в конце 1940-х годов, когда междуречье двух рукавов реки Малая Ельцовка — так называемая «Верх-Ельцовская лесная дача» — было отведено под жилое строительство Государственному союзному заводу № 250 (будущий НЗХК). Завод № 250, получив эту территорию, обязывался при размещении строительства сохранять намеченную планировку кварталов. В соответствии с генеральным планом квартала № 34 жилого поселка «Красная горка», разработанным в 1952 году предприятием МПК, общая площадь квартала составляла 5,13 га. Из них жилая застройка — 3,81 га, школьный участок — 1,32 га. Плотность застройки 24,5%, плотность жилой застройки 30,0%. Предполагалась периметральная застройка жилыми

зданиями. В центральной части квартала, выходящей на улицу Богдана Хмельницкого, проектировалось здание школы. Внутриквартальное пространство отводилось под

школьный стадион. Закладывался высокий уровень благоустройства придомовых территорий, с цветниками, газонами, фонтанами и площадками для игр. (ил.3)



Ил. 3. Генеральный план квартала № 34 жилого поселка «Красная горка». 1952 год. [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 609. Л. 15]

Fig. 3. General plan of quarter No. 34 of the residential village "Krasnaya Gorka". 1952 [NGA. 578. 3. 609. P. 15]

Согласно экспликации, были запроектированы:

- два четырехэтажных жилых дома на 84 квартиры с магазинами (секция архитектора Кавыкова);
- два четырехэтажных жилых дома на 72 квартиры (секция архитектора Кавыкова);
- два четырехэтажных жилых дома на 48 квартир (20936-38 секция архитектора Кавыкова с дополнением эркером);
- три четырехэтажных жилых дома на 32 квартиры (58102-03, 20554, 20941, секция Бумаженого);
- два четырехэтажных жилых дома на 36 квартир (секция архитектора Кавыкова);
- четырехэтажное здание школы на 880 мест (типовой проект).

В генеральном плане жилого поселка «Красная горка» от 1954 года, где была обозначена только часть кварталов, экспликация застройки квартала № 34 указывала на уменьшение числа квартир в жилых домах, фланкирующих школу (с 84 до 70), и домов с курдонерами (с 72 до 56). Общая планировка квартала оставалась неизменной.

Застройка квартала № 33 представляет пример архитектуры стиля неоклассицизма конца 1940-х–начала 1950-х гг. Здания выполнены периметральным типом застройки. В центральной части квартала расположена гимназия с дошкольным отделением. Цветовая гамма: оттенки зеленого, желтого, терракотового (ил. 4). Частично сохранилось ограждение дворовых территорий. В оформлении фасадов применены стилизованные ордерные элементы: колонны, фронтоны,

модульонные карнизы, профилированные междуэтажные пояса, порталы и обрамления оконных проемов, лепной декор, рустовка. Активно использованы эркеры и щипцы.

Застройка квартала № 36 является периметральной. Квартал сформирован в основном пятиэтажными жилыми домами с элементами архитектуры неоклассицизма середины 1950-х–конца 1950-х гг. Сохранен исторический силуэт застройки. В застройке преобладают оттенки желтого и терракотового цвета (ил. 5). На территории квартала находится общественное здание и учреждение дошкольного и среднего образования, а именно частный детский сад «Станислава».

Для сохранения архитектурного наследия микрорайона «Красная Горка», производя работы по реновации и реконструкции объектов, отнесенных к предметам охраны достопримечательного места, необходимо производить реконструкцию зданий, используя проектные решения, разработанные без изменения существующей наружной отделки здания, акцентируя внимание на сохранение декоративных элементов фасадов, цветовой гаммы. Проектные решения не должны оказывать влияния на композицию фасадов. Проектной документацией не должно предусматриваться мероприятий по изменению параметров зданий (высоты, количества этажей, площади, объема), существующих несущих конструкций, конфигурации инженерных систем. Необходимо обеспечить сохранность зон зеленых насаждений [Кузнецова 2017].



Ил. 4. Фасад жилого дома по адресу: 25 Лет Октября, 25. Фото автора, 2021.
Fg. 4. The facade of a residential building at the address: 25 Years of October, 25. Photo by the author, 2021.



Ил. 5. Фасад жилого дома по Краснодарскому 1-му переулку. Фото автора, 2021.
Fg. 5. Facade of a residential building on Krasnodonsky 1st Lane. Photo by the author, 2021.

Полученные результаты и их обсуждение. В ходе исследования архитектурного наследия микрорайона «Красная горка» были выявлены основные архитектурные стили, использованные при создании микрорайона. Было обнаружено, что жилой микрорайон Красная Горка был выполнен в стиле послевоенной Неоклассики, которая впоследствии была заменена возродившимся

стилем Авангард. Последний стиль характеризуется простотой и лаконичностью форм. Этот стиль был широко использован в период с 1930 по 1950 годы в разных регионах СССР.

Кроме того, была проведена оценка текущего состояния зданий микрорайона и выявлены основные проблемы, которые требуют решения в рамках реновации. Одним из основных проблем является необходимость об-

новления коммуникационных систем в зданиях. Также выявлены проблемы с утеплением зданий и ремонтом крыш.

Важно отметить, что реновация микрорайона «Красная горка» должна учитывать особенности его архитектурного стиля и сочетать их с современными технологиями и материалами. Необходимо сохранять аутентичный облик зданий, адаптируя их к новым требованиям жизни и комфорта. Изучение и понимание архитектурного наследия микрорайона «Красная горка» является важным шагом для эффективной реновации этого района. Необходимо сохранить аутентичный облик зданий, адаптируя их к новым требованиям жизни и комфорта.

Выводы. Согласно проведённому исследованию, было установлено, что микрорайон «Красная горка» имеет высокое архитектурное и культурно-историческое значение, являясь объектом культурного наследия Новосибирской области. Выявлено — здания микрорайона характеризуются сильным влиянием советской архитектуры и демонстрируют развитие градостроительства в этот период.

Микрорайон «Красная горка» в городе Новосибирск является важным объектом архитектурного наследия, который необходимо сохранять и реновировать с учетом его исторической и культурной ценности. Изучение архитектурного наследия микрорайона позволяет более эффективно планировать и проводить реновационные мероприятия, сохраняя при этом его аутентичный облик и характерные черты.

Одним из главных аспектов реновации микрорайона является сохранение типовых домов, которые являются важным элементом культурного наследия микрорайона. Также необходимо учитывать особенности архитектурного стиля микрорайона и сочетать их с современными технологиями и материалами, применяя иностранный опыт реновации исторических зданий. В процессе реновации также необходимо уделить внимание общественным пространствам микрорайона, таким как скверы и парки, которые играют важную роль в формировании общественной жизни и комфорта жителей микрорайона.

Список литературы

1. Калюжная Ю.Б. Опыт создания комфортной городской среды (на примере улицы Богдана Хмельницкого г. Новосибирска) // Развитие территорий. 2017. № 9. С. 21–32.
2. Кузнецова Е.А. Определение историко-культурной ценности объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия «Красная горка» // Будущее памятников архитектуры конструктивизма. Материалы науч. практ. конф. / отв. ред. А.Е. Гашенко, Т.Ю. Тачейначева. Новосибирск, 2017. С. 159.
3. Терехин В. Из практики застройки Новосибирска // Архитектура СССР. 1957. № 4. С. 19–22.

References

1. Kalyuzhnaya Yu.B. Opyt sozdaniya komfortnoy gorodskoy sredy (na primere ulitsy Bogdana Khmel'nitskogo g. Novosibirsk). [Experience of creating a comfortable urban environment (on the example of Bogdan Khmel'nitsky Street in Novosibirsk)]. In: Razvitiye territoriy. 2017. No. 9. Pp. 21–32. (In Russ.).
2. Kuznetsova E.A. Opredeleniye istoriko-kul'turnoy tsennosti ob"yekta, obladayushchego priznakami ob"yekta kul'turnogo naslediya "Krasnaya Gorka" [Definition of the historical and cultural value of an object possessing the characteristics of the cultural heritage site "Krasnaya Gorka"] In: Budushcheye pa-myatnikov arkhitektury konstruktivizma. Proceedings of the scientific. practical. conf. ed. Novosibirsk, 2017. P. 159. (In Russ.).
3. Terekhin V. Iz praktiki zastroyki Novosibirsk [From the practice of development of Novosibirsk]. In: Arkhitektura SSSR. 1957. № 4. S. 19–22. (In Russ.).

Список источников

1. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 584. Л. 32
2. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 596. Л. 44
3. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 609. Л. 15.

Список сокращений

НГА — Новосибирский городской архив
Материал передан в редакцию 29.05.2023

Д.С. Шемелина

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
Красный проспект, 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
dasha-shem@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6948-5067>

Н.С. Декунцов

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
Красный проспект, 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
dns0607@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-0718-9850>

Территориально-географический аспект ревалоризации архитектурно-градостроительного наследия сибирских оборонительных линий XVIII века

Аннотация

В работе анализируется содержание Руководства по укреплениям и военному наследию ИКОМОС, в котором отмечается принципиальное значение территориально-географического аспекта в определении ценности фортификационного наследия. Рассматривается формирование целостного подхода к ревалоризации и охране крупных фортификационных комплексов, применение которого наблюдается в современной российской и зарубежной практике работы с культурным наследием. Обсуждается возможность применения этого опыта, а также необходимость учета значения территориально-географического аспекта, зафиксированного ИКОМОС, при работе с наследием сибирских оборонительных линий XVIII в. Представлены результаты обобщения и систематизации данных по долговременным укреплениям сибирских линий, касающиеся истории их создания и современного состояния. Рассматривается возможность разработки на основе этих данных геоинформационной системы как инструмента для определения перспектив ревалоризации архитектурно-градостроительного наследия сибирских линий.

Ключевые слова: сибирские оборонительные линии, архитектурно-градостроительное наследие, фортификация, ревалоризация, геоинформационная система

D.S. Shemelina

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts
Krasny Prospekt, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
dasha-shem@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6948-5067>

N.S. Dekuntsov

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts
Krasny Prospekt, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
dns0607@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-0718-9850>

Territorial and geographical aspect of the revalorization of architectural and urban heritage of the 18th century Siberian defensive lines

Abstract

The paper analyzes the content of the ICOMOS Guidelines on fortifications and military heritage, which notes that territorial and geographical aspect in the valuation of fortification heritage is crucial. The formation of an integrated approach to revalorization and protection of large fortification complexes is considered, which is observed in the modern Russian and international practices relating to cultural heritage. Possibility to apply this experience and the need to take account of the importance of the territorial and geographical aspect stated by ICOMOS in work with the 18th Siberian defensive lines heritage is discussed. The results of the generalization and systematization of data on permanent fortresses of Siberian lines concerning its history and current state are presented. The possibility of developing a geographical information system based on these data for determining the perspectives for the revalorization of the architectural and urban heritage of the Siberian lines.

Keywords: Siberian defensive lines, architectural and urban heritage, fortification, revalorization, geographical information system

Введение. В 2021 г. на Ежегодной Генеральной ассамблее Международного Совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) был утвержден документ — Руководство по укреплениям и военному наследию [ICOMOS Guidelines..., 2021].

Он был разработан с целью определения основных принципов работы и методов исследования, направленных на сохранение, защиту и установление ценности фортификационного наследия и окружающих его культурных ландшафтов.

В основу разработки Руководства по укреплениям и военному наследию ИКОМОС заложил две позиции. Первая — это то, что укрепления и их военное наследие имеют специфические проблемы, а вторая — это то, что они обладают особой ценностью. И то, и другое отличается от проблем и ценностей, характерных для других типов наследия.

Таким образом, ИКОМОС признает, что фортификационное наследие — это особый вид наследия, требующий иных подходов в сравнении с теми, что применяются по отношению к другим видам памятников. Для реализации этих особых в структуре ИКОМОС был выделен специализированный Международный научный комитет по фортификационным сооружениям и военному наследию (ИКОФОРТ).

Особому характеру ценности фортификационного наследия в Руководстве по укреплениям и военному наследию посвящена специальная Статья 4. В ней говорится о том, что для эффективного сохранения и ревалоризации фортификационного наследия, прежде всего необходимо признать разные аспекты его ценности, такие, как архитектурный, технический, стратегический, антропологический, исторический, а также социально-экономический. Кроме того, важными являются аспекты ценности фортификационного наследия, связанные с формируемым им культурным ландшафтом, а также с его значением в контексте памяти, идентичности и воспитания будущих поколений.

В ряду перечисленных аспектов согласно Статье 4 принципиальное значение имеет территориально-географический аспект фортификационного наследия. Согласно Руководству ИКОМОС этот аспект выражается в том, что фортификационное наследие при определенных условиях способно преобразовывать целые территории и формировать окружающие культурные ландшафты. Происходит это в ситуации, когда укрепления, иногда достаточно скромные, являются составляющими более крупного фортификационного комплекса. В этих случаях ценность всей системы превышает конкретную ценность каждого из ее элементов. Этому соответствует формирование целостного подхода, при котором ревалоризации и охране подлежат не

только каждый элемент, но и вся фортификационная система целиком.

Полученные результаты и их обсуждение. В настоящее время данный подход к ревалоризации оборонительных комплексов применяется в ряде проектов. Приведем несколько примеров:

– «Белгородская засечная черта» [Белгородская засечная черта...] — проект инициирован Российским историческим обществом по поручению Президента России в 2020 г. Объединяет 27 городов Белгородской черты, созданной на южной границе России в XVII в., среди которых города на территории современных Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей России и Сумской области Украины [Могилевский и др., 2022], [Жигалов, 2021];

– в Ростовской, Тульской, Белгородской, Липецкой и Воронежской областях накоплен опыт по включению фортификационных объектов, располагавшихся здесь засечных линий, в территории, являющиеся частью музейных учреждений и заповедников. Данный статус позволяет проводить научно-исследовательскую работу этих объектов, организовывать специализированные мероприятия, приуроченные к историческим датам, реализовывать туристические и образовательные программы [Могилевский и др., 2022];

– «Кронштадт. Остров фортов» [Кронштадт...] — проект реализуется в Кронштадте также по поручению Президента России. Предполагает комплексное развитие территории с созданием туристско-рекреационного кластера площадью 150 га. Включает реставрацию и приспособление под современное использование трех из 19 кронштадтских фортов, включенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО;

– «Сеть основных сооружений Вобана» [Réseau...] — проект, который объединяет 12 крепостей, укрепленных в XVII в. французским инженером Себастьяном Ле Престром де Вобаном. Они расположены по границам Франции и включены как единый объект в Список всемирного наследия ЮНЕСКО (2008 г.);

– проект «Укрепления и ландшафт периода Испано-португальской войны» [La Construcción...] — объединяет пограничные укрепления XVII в., возведенные на юге Галиции и севере Португалии, и рассматривает их как единый культурный ландшафт.

Перечисленные примеры демонстрируют общий подход к сохранению и ревалоризации фортификационных комплексов, основанный на работе сразу со всей системой укреплений, а не с каждым из ее элементов по отдельности, что в большой степени отвечает положениям из Руководства ИКОМОС [ICOMOS Guidelines..., 2021].

К перечисленным примерам фортификационных комплексов в полной мере можно отнести и сибирские оборонительные линии [Шемелина, 2019]. Они создавались в XVIII в. на южных рубежах России в Сибири. Включенные в их состав укрепления разной мощности — крупные крепости и мелкие (полевые) укрепления — охватывали границы России от Урала до Забайкалья. Укрепления по линиям создавались на базе основ европейской фортификации с применением российского традиционного опыта охраны границ. Применение общих планировочных решений для крепостей Иртышской и Кольвано-Кузнецкой линий, использование типовой фортификации и типовой планировки для крепостей Горькой линии, одновременность перепланировки укреплений, проведенной по инструкции Екатерины II, а также другие данные говорят о системном характере фортификационного комплекса сибирских оборонительных линий. В связи с этим мы считаем, что сибирские оборонительные линии требуют системного подхода в охране и ревалоризации наследия, поскольку создавались, функционировали и управлялись как неделимая система, образуя единый культурный ландшафт.

В рамках российского законодательства наиболее реальным инструментом для реализации комплексного подхода к ревалоризации сибирских оборонительных линий как целостной фортификационной системы является их отнесение к виду объектов культурного наследия, обозначенному в Статье 3 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Федеральный закон..., 2022 г.] как «достопримечательное место». Применение данного статуса к фортификационным комплексам предлагается в работе Э.А. Шевченко и А.В. Лукашева — специалистов в области охраны архитектурно-градостроительного наследия. Выделяя особый подвид «совместные творения человека и природы», они рекомендуют наделять статусом достопримечательного места различные градостроительные образования, возникшие в результате создания фортификационных комплексов, а именно «места исторических градостроительных систем расселения в виде оборонительно-жилых образований, таких как Белгородская, Закамская черты и др. засеки, города-крепости как части засек...» [Шевченко, Лукашев, 2019, с. 65].

С учетом упомянутого выше опыта коллег по ревалоризации фортификационных комплексов, а также положения из Статьи 4 Руководства ИКОМОС о принципиальном значении территориально-географического аспекта при определении ценности подобного рода систем, в настоящее время нами проводится исследование перспектив ревалоризации архитектурно-градостроительного наследия сибирских оборонительных линий.

В качестве начального этапа работы нами были обобщены и систематизированы данные по крупным крепостям сибирских линий [Шемелина, Декунцов, 2023]. Данные касаются истории их создания, а также современного состояния укреплений, которое фиксируется в официальных документах, списках охраны объектов культурного наследия и наблюдениях краеведов. Вся информация аккумулируется в сводную таблицу базы данных. Анализ характеристик, внесенных в данную таблицу, позволяет представить следующие наблюдения:

– прежде всего это то, что после распада Советского Союза большой фрагмент системы сибирских линий и соответственно большинство расположенных по ним укреплений оказались за границами Российской Федерации, а именно на территории Республики Казахстан. Так, на земле Казахстана расположено больше половины крупных крепостей сибирских линий. Таким образом, наследие сибирских оборонительных линий представляющих собой целостную фортификационную систему в настоящее время разделено между двумя странами;

– лишь малая часть крупных крепостей находится на территории городов, на месте большей части укреплений возникли сельские поселения;

– более половины долговременных укреплений не сохранили фортификации на своих основных территориях;

– вместе с тем, в большей части поселений, основанных на месте крупных крепостей, сохранилась планировка форштадтов (то есть, территорий укреплений, отведенных под гражданскую застройку)

– в настоящее время охранные меры, касающиеся сибирских оборонительных линий, направлены не на сохранение всей фортификационной системы, или, по крайней мере, отдельных ее участков, а лишь на ее отдельные объекты. Несмотря на то, что охранный статус имеет большинство крупных крепостей и они включены как в российские, так и в казахстанские списки охраны культурного наследия, функционирует этот статус лишь в части случаев. При этом работы по ревалоризации проводились только для двух из 19 объектов.

Часть перечисленных выше характеристик, связанная с объемом проведенных с укреплениями мероприятий по реставрации и целостной реконструкции, а также по наличию у них охранный статус объектов культурного наследия, показана в таблице [табл. 1]. Условно выделены четыре категории крепостей. Представленные выше наблюдения свидетельствуют о том, что действующие охранные меры работают крайне неэффективно и не учитывают положения Руководства ИКОМОС [ICOMOS Guidelines..., 2021] о необходимости учета территориально-географического аспекта.

Таблица 1. Категории крупных крепостей сибирских оборонительных линий, выделенные на основе проведенных с укреплениями мероприятий по реставрации и целостной реконструкции, а также наличию у них охранного статуса объектов культурного наследия

Оборонительная линия	1 категория	2 категория	3 категория	4 категория
Иртышская	Омская	Кабанья	Семипалатинская Каменогорская Пресногорьковская	Пресногорьковская
Горькая		Становая Лебяжья Покровская	Св. Петра Полуденная Николаевская	
Колывано-Кузнецкая	Кузнецкая			Ануйская Катунская Бийская Бухгарминская

Примечания:

1 категория: крепости, здания и сооружения которых имеют охранный статус и в отношении которых каким-либо образом уже были проведены работы по реставрации или целостной реконструкции.

2 категория: крепости, здания, сооружения или планировка которых имеют охранный статус, но работы по их сохранению либо не были проведены вовсе, либо объем этих работ был минимальным, при этом укрепления или планировки прилегающих к ним территорий находятся в относительно хорошей сохранности.

3 категория: крепости, здания, сооружения или планировка которых имеют охранный статус, но работы по их сохранению не были проведены вовсе, при этом укрепления являются частично утраченными и подвергаются интенсивному разрушению.

4 категория: крепости, не сохранившиеся до наших дней, но следы их планировочной структуры отразились в планировке возникших на их месте поселений.

Из сказанного видно, что при исследовании перспектив ревалоризации наследия сибирских оборонительных линий приходится иметь дело с достаточно большим массивом данных. При этом системный характер комплекса сибирских оборонительных линий определяет множественность, разнообразие и большое количество этих данных. В связи с этим, а также с необходимостью их визуального представления, нами было решено обратиться к подходам, применяемым в современных междисциплинарных исследованиях. Одним из таких подходов является применение информационных технологий, в частности использование геоинформационных систем в исторических исследованиях.

«Географическая информационная система (ГИС, geographic(al) information system, GIS) — это информационная система, обеспечивающая сбор, хранение, обработку, доступ, визуализацию и распространение пространственно координированных данных...» [Ананьев, 2003, с. 3].

Геоинформационные системы уже около трех десятилетий используются в исторических исследованиях и тесно связаны с развитием такого научного направления как «историческая геоинформатика». Вместе с тем, нужно отметить, что использование ГИС в гуманитарных исследованиях все еще достаточно ограничено и до сих пор не получило широкого распространения среди специалистов гуманитарной области знаний. Не является исключением и область науки, связанная с сохранением историко-архитектурного

наследия. Среди немногочисленных примеров применения ГИС в данной сфере является разработка «Памятники, памятные места и мемориалы в г. Ростове-на-Дону» и ГИС-портал «Памятники истории и культуры Казахстана», базирующиеся на системе ArcGIS [Архипова и др., 2021], а также попытка учета сведений об архитектурном наследии в ГИС, созданной в рамках упомянутого выше проекта Российского исторического общества «Белгородская засечная черта» [Белгородская засечная черта...].

Одной из проблем является то, что в гуманитарных исследованиях для моделирования изучаемого объекта зачастую применяются отдельно двумерные модели, и отдельно трехмерные слабо информационные модели. Все они создаются в различных не всегда совместимых программах и форматах. В этом смысле обращение к ГИС во многом ликвидирует этот недостаток. Для ряда исторических исследований именно обращение к ГИС является оптимальным, а соответствующее программное обеспечение наиболее функциональным.

Перечислим некоторые функции, которые доступны для ГИС:

- создание карт и добавление основных характеристик объектов;
- всплывающие окна с основной информацией об объектах;
- настройка символов отображения;
- поиск объектов по заданным параметрам;
- редактирование данных об объектах, отображенных на карте.

Использование ГИС позволяет получать картографические изображения, концентрируя на одном ресурсе информацию об объектах культурного наследия и создавая удобный интерфейс для работы специалистов. Он позволяет получать быстрый доступ к имеющимся данным с возможностью их уточнения, исправления, дополнения и систематизации в любой момент времени. Все это делает работу с данными более динамичной по сравнению с традиционными подходами. Кроме того, такие карты могут быть встроены в тематические сайты, становясь основой для популяризации результатов научных исследований.

Выводы. В настоящее время нами начата работа по геоинформационному систематизированию данных, касающихся архитектурно-градостроительного наследия сибирских оборонительных линий с использованием программного обеспечения MapInfo Professional. Результаты этой работы станут основой для определения перспектив ревалоризации укреплений по линиям с учетом территориально-географического аспекта ценности указанного наследия в соответствии с принципами ИКОМОС. Кроме того, полученная геоинформационная разработка в перспективе позволит обеспечить комплексный мониторинг информации об оборонительных линиях в целом, а не только об отдельных укреплениях из их состава.

Список литературы

1. Ананьев Ю.С. Геоинформационные системы: учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2003. 70 с.
2. Мониторинг объектов исторического и культурного наследия на основе современных информационных технологий / Архипова О.Е., Семенова О.В., Афанасенко В.И., Подоян Е.И. // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2021. Т. 27. № 4. С. 434–444.
3. Жигалов В.М. Классификация и типология укреплений городов Белгородской черты // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород: ИП Сичкарева Е.В., 2021. Вып. 6. С. 67–102.
4. Могилевский К.И. Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. / Могилевский К.И., Гагкуев Р.Г., Иванюк С.А. Москва: Кучково поле, 2022. 388 с.
5. Шевченко Э.А., Лукашев А.В. О том, что фактически должно лежать в основе установления границ объектов культурного наследия в виде Достопримечательных мест. Часть 1 // АCADEMIA. Архитектура и строительство. 2019. №1. С. 62–69.
6. Шемелина Д.С. Реконструкция линейных крепостей 1765 г.: переход к европейской фортификации на сибирских рубежах // Фундаментальные, поисковые и прикладные

исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли РФ в 2018 г.: сборник научных трудов РААСН. Москва: АСВ, 2019. Т.1. С. 185–197.

7. Шемелина Д.С., Декунцов Н.С. Проблема сохранения архитектурно-градостроительного наследия сибирских оборонительных линий 18 в. // Патриот: актуальные вопросы военной истории России и ее силовых структур. Военная история России и воспитание гражданственности: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2023. С. 111–115.

References

1. Anan'ev Yu.S. Geoinformatsionnye sistemy. [Geoinformation systems]. Tomsk: Izd-vo TPU, 2003. 70 p. (In Russ.).
2. Arkhipova O.E., Semenova O.V., Afanasenko V.I., Podoyan E.I. Monitoring ob'ektov istoricheskogo i kul'turnogo naslediya na osnove sovremennykh informatsionnykh tekhnologii [Monitoring of historical and cultural heritage objects based on modern information technologies]. In: InterKarto. InterGIS. 2021. Vol. 27. No 4. Pp. 434–444. (In Russ.).
3. Zhigalov V.M. Klassifikacija i tipologija ukreplenij gorodov Belgorodskoj cherty [Classification and typology of the fortifications of the cities of the Belgorodskaya line]. Belgorodskaja cherta: sbornik statej i materialov po istorii Belgorodskoj oboronitel'noj cherty. Belgorod: IP Sichkareva E.V., 2021. Iss. 6. Pp. 67–102. (In Russ.).
4. Shevchenko E.A., Lukashev A.V. O tom, chto fakticheski dolzhno lezhat' v osnove ustanovleniya granits ob'ektov kul'turnogo naslediya v vide Dostoprimechatel'nykh mest. Chast' 1 [On the actual basis for establishing the boundaries of cultural heritage in the form of places of interest. Part 1]. In: АCADEMIA. Arkhitektura i stroitel'stvo. 2019. No 1. Pp. 62–69. (In Russ.).
5. Mogilevskii K.I., Gagkuev R.G., Ivanyuk S.A. Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pogranych'ya Rossii XVI–XVIII vv. [Growth lines. Monuments of historical and cultural heritage of the Russian borderlands of the XVI–XVIII centuries]. Moscow: Kuchkovo pole, 2022. 388 p. (In Russ.).
6. Shemelina D.S. Rekonstruktsiya lineinykh krepostei 1765 g.: perekhod k evropeiskoi fortifikatsii na sibirskikh rubezhakh [Reconstruction of linear fortresses in 1765: transition to European fortification on Siberian borders]. In: Fundamental'nye, poiskovyie i prikladnye issledovaniya RAASN po nauchnomu obespecheniyu

razvitiya arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noi otrasli RF v 2018 g. Moscow: ASV, 2019. Vol. 1. Pp. 185–197. (In Russ.).

7. Shemelina D.S., Dekuntsov N.S. Problema sokhraneniya arkhitekturno-gradostroitel'nogo naslediya sibirskikh oboronitel'nykh linii 18 v. [The problem of preserving the architectural and town-planning heritage of the 18th century Siberian defensive lines]. In: Patriot: aktual'nye voprosy voennoi istorii Rossii i ee silovykh struktur. Voennaya istoriya Rossii i vospitanie grazhdanstvennosti. Novosibirsk: Novosibirskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya, 2023. Pp. 111–115. (In Russ.).

Список источников

1. Белгородская засечная черта. Проект по изучению засечных черт России. [Электронный ресурс] URL: <https://historyrussia.org/belgorodskaya-zasechnaya-liniya.html> (дата обращения: 16.06.2023).
2. Кронштадт. Остров фортов. [Электронный ресурс] URL: <https://xn--80aiqmelqc4c.xn--p1ai/> (дата обращения: 16.06.2023).
3. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов

Российской Федерации» // Президент России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230> (дата обращения: 16.06.2023).

4. ICOMOS Guidelines on fortifications and military heritage. GA 2021 6-1. Ver. 04/30/2020 // ICOFORT. [Электронный ресурс] URL: <https://www.icofort.org/fortificationsguidelines> (дата обращения: 16.06.2023).

5. La Construcción de una frontera. Fortificaciones y paisaje durante la Guerra Hispano Portuguesa (1640–1668). [Электронный ресурс] URL: <https://fortalezas.es/> (дата обращения: 16.06.2023).

6. Réseau des sites majeurs de Vauban. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sites-vauban.org/> (дата обращения: 16.06.2023).

Список сокращений

- ГИС — геоинформационная система
 ИКОМОС — Международный Совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS)
 ИКОФОРТ — Международный научный комитет по фортификационным сооружениям и военному наследию (ICOFORT)
 ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO)

Материал передан в редакцию 27.06.2023

Усепян Л.Х., Филонов С.В., Филиппова Н.Н.
Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина
Новосибирского государственного университета
архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
ул. Красный проспект, 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
museum@nsuada.ru, lina_24_87@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-4516-6843

**Чернобровцев Александр Сергеевич (12.09.1930 — 13.04.2014) —
выдающийся новосибирский художник-монументалист**

Аннотация

В научном исследовании на основе биографических сведений из разных источников анализируется профессиональный путь становления художника-монументалиста Александра Сергеевича Чернобровцева, который вел активную выставочную деятельность, общественную работу. Представлен перечень работ художника-монументалиста на основе авторской систематизации и общепринятой классификации объектов монументально-декоративного искусства.

Ключевые слова: Александр Сергеевич Чернобровцев, Новосибирск, Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухоминой, монументально-декоративное искусство, Союз художников РСФСР, Клуб болгаро-советской творческой интеллигенции

Usepyan L.H., Filonov S.V., Filippova N.N.
Balandin's Museum of Siberian architectural history of
Kryachkov Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts
Krasny Prospekt, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
museum@nsuada.ru, lina_24_87@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-4516-6843

**Outstanding Novosibirsk artist — Chernobrovtssev Alexander Sergeevich
(12.09.1930 — 13.04.2014)**

Abstract

In a scientific study on the basis of biographical information from various sources, the professional path of becoming a muralist Alexander Sergeevich Chernobrovtssev, who was active in exhibition activities and social work, is analyzed. The list of works of the monumental artist is presented on the basis of the author's systematization and generally accepted classification of objects of monumental and decorative art

Keywords: Alexander Sergeevich Chernobrovtssev, Novosibirsk, Leningrad Higher Art and Industrial School named after V.I. Mukhina, monumental and decorative art, the Union of Artists of the RSFSR, the Club of the Bulgarian-Soviet Creative Intelligentsia

Введение. Особый научный интерес в ходе музейной деятельности в плееде новосибирских монументалистов, скульпторов, художников представляет личность Александра Сергеевича Чернобровцева. Его профессиональный, творческий путь является достойным примером профессиональной работы с камнем, глиной, гипсом, деревом и другими природными материалами, кроме этого и с искусственными (пластилином, пластиком и др.), а также увековечиванием знаковых революционных и военных событий в монументально-декоративном искусстве и изображение портретов своих современников на высоком художественном уровне.

В ходе научного исследования и музейной работы выяснилось, что Александре Черно-

бровцеве есть информация в частных коллекциях архитекторов, краеведов, фотографов, в Новосибирском государственном областном архиве. Довольно тезисно представлена биография с кратким описанием профессиональной деятельности в журнальных публикациях, нашлась информация в открытых источниках интернета, более развернуто и обширно написано в каталогах выставок, художественных буклетах и др. Большое количество публикаций посвящено творчеству А.С. Чернобровцева в следующих книгах: Г. Рублев. Творчество молодых монументалистов (1960, «Художник», №3); 50 лет Новосибирской организации СХ РСФСР. Каталог (1985); Л. Усольцева. Подвигу сибиряков посвящается (1977). В монографии Красовицкой Л.М. есть небольшое научное исследование, посвященное А.С. Чернобровцеву,

в котором раскрывается его деятельность в качестве профессионального художника и подчеркивается значимость работ на местном (городском) уровне. Сохранились рукописи и дневниковые записи художника, хранящиеся у семьи. Наиболее известная книга — «Хочу остаться ...: рассказ о времени и о себе художника-монументалиста», представляет собой автобиографический очерк-описание жизни, профессионального пути, автором книги является сам А.С. Чернобровцев.

Целью научного исследования является сбор информации, составление музейного архива, изучение сведений о выдающемся монументалисте Александре Сергеевиче Чернобровцеве.

Задачами исследования являются:

1. Изучение биографических сведений и описание основных вех жизни, профессионального пути художника-монументалиста А.С. Чернобровцева;

2. Систематизация полученной информации (фотографии, статьи, книги и скульптуры);

3. Составление полного перечня воплощенных проектов художника-монументалиста с описанием.

В данном исследовании применялись методы сбора, систематизации, описания, анализа, синтеза.

Наше исследование проводилось на базе фондовых музейных материалов и открытой выставки в Музее истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина, информации из открытых источников в сети Интернет, автобиографической книги, книг из библиотеки Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова. В вузовском музее есть персональная карточка в картотеке музея, из вещей — фотографии, личные портреты, 10 гипсовых скульптур. В данной научно-исследовательской статье речь пойдет о Чернобровцеве Александре Сергеевиче — выдающемся монументалисте, скульпторе, художнике, который свой дар сделал призванием и профессией жизни, после себя оставил разнообразные монументы, панно, скульптуры, многочисленные портреты современников и другие художественно-монументальные произведения с высоким, достойным уровнем оформления. Признание в профессиональном сообществе, уважение и любовь публики, слава и знаменитость пришли к нему в Новосибирске.

Полученные результаты

Рассмотрим биографические сведения из книг и статей, хранящиеся в Музее истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина, которые позволяют понять профессиональный путь становления Александра

Сергеевича в качестве художника-монументалиста.

Александр Чернобровцев родился 12 сентября 1930 г. в Липецке Центрально-Черноземной области (с 1928–1934 гг., область с 1934 г. называлась Воронежской) в семье матери архитектора Веры Степановны Чернобровцевой и отца Сергея Михайловича. Предки были из семьи священников, а их фамилия шла из петровских времен. Сохранилась семейная легенда, что сам Петр I переименовал их родовую фамилию, Ивановы стали Чернобровцевы [Чернобровцев, 2011, с. 21] (ил. 1 а) [Чернобровцев, 2011, с. 21]. В детские годы Саша часто проводил время с дедом, который также оказал положительное влияние на взросление в процессе воспитания. Дед Чернобровцева, Степан Александрович, работал священником и вкладывал в него библейские заветы и приобщал к церковным богослужениям, рассказывая притчи, просвещая в духовных темах. На возмужающую душу Александра, формирующегося в качестве человека, повлияла культурная архитектура, от которой остались сильные, положительные впечатления. Он видел и любовался многими церквями, храмами, соборами, которых в России было изобилие, когда вместе с мамой (ил. 1 б) [Чернобровцев, 2011, с. 23] Верой Степановной совершал культурные подходы в ленинградские музеи на выставки.

Важно рассмотреть вопрос, что именно повлияло на выбор профессионального пути в жизни Александра Чернобровцева. Его мама училась на архитектора в Архитектурном институте в Ленинграде. Она брала его в студенческие годы с собой на лекции по рисованию и черчению, тогда Александр и познакомился впервые с карандашами, бумагой, появились первые рисунки. По сохранившимся воспоминаниям из интервью в электронной журнальной статье Александра Сергеевича один из преподавателей мамы ему подарил набор цветных карандашей для профессионалов, которые можно было достать только у профессиональных художников. С тех пор у него началось практическое освоение технических графических приемов и обретение навыков рисования, черчения, понимания композиции и основ цветоведения, позволяющая узнать, как правильно и гармонично сочетать цвета. Весомый вклад в процесс обучения и познания мира внесла также и мама, приобщая родного сына к профессии архитектора. Она его водила по музеям, выставочным павильонам. С детских лет он видел прекрасные здания — настоящие образцы архитектуры высокого уровня. Видение красоты мира, привитое семьей, осталось в течении всей жизни у Александра Сергеевича Чернобровцева.



1 а



1 б



1 в

Ил. 1. а. Семья Чернобровцевых, Иваново-Вознесенск, 1915 г. В первом ряду в центре - мама Александра Сергеевича. [Чернобровцев, 2011, с. 21]. **Ил. 1 б.** Шурик Чернобровцев с мамой Верой Степановной, Ленинград, 1 мая 1940 г. [Чернобровцев, 2011, с. 27]. **Ил. 1 в.** Чернобровцев в период работы над Монументом Славы [Чернобровцев, 2011, с. 115].

Fg. 1. а. The Chernobrotsev family, Ivanovo-Voznesensk, 1915 In the first row in the center is Alexander Sergeevich's mother. [Chernobrotsev, 2011, p. 21]. **Fg. 1. б.** Shurik Chernobrotsev with his mother Vera Stepanovna, Leningrad, May 1, 1940. [Chernobrotsev, 2011, p. 27]. **Fg. 1. в.** Chernobrotsev during the work on the Monument of Glory [Chernobrotsev, 2011, p. 115]

В 1940-е гг. многих молодых специалистов (архитекторов, инженеров, художников, скульпторов) после получения высшего образования направляли в советские (ныне российские) города для их восстановления после Второй мировой войны, освоения новых территорий и строительства зданий для промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики, а также восстановления телекоммуникаций, дорог, транспорта и др. Архитекторы приспосабливались к новым требованиям военного и послевоенного времени, проводили важные научные фундаментальные и прикладные исследования. В 1940-1950-е гг. ученые разрабатывали методы применения упрощенных строительных конструкций из местных строительных материалов в строительстве [Баландин, 1993, с. 42]. В качестве архитектора мама Чернобровцева участвовала в этих процессах вместе с рабочими группами и коллективами архитекторов. В связи с поездками по стране из-за многочисленных командировок матери Александр Чернобровцев самостоятельно освоил большую часть школьной программы, проявив усердие, терпение, целеустремленность, жажду к знаниям, феноменальную память, развитие творческих способностей и др. В 1941–1942 гг. семья Чернобровцевых жила в Забайкалье. В поисках лучшей жизни в 1943 г. переехала в только что освобожденный Воронеж. Вера Степановна очень хотела восстанавливать разрушенный город и, не найдя хорошую работу с домом для проживания, уехала с сыном в Борисоглебск, а затем — в Липецк, где Александр закончил шесть классов средней школы. Семья Чернобровцевых затем решает переехать в Липецк, где мама устроилась работать архитектором, а Александр продолжал ходить в школу и легко осваивать учебную программу. В итоге диплом о среднем образовании получил в Борисоглебске и выбрал путь архитектора, идя по стопам мамы Веры Степановны.

Из вышенаписанного становится понятно, что именно благодаря родной матери и детству в годы ВОВ будущий художник-монументалист выбрал монументально-декоративное искусство, как профессию и художественную стезю, связанную с творчеством и самовыражением, проявлению дара от Бога, который стал в дальнейшем его призванием и осознанным смыслом жизни.

В 1946 г. 16-летний Александр решает стать скульптором-художником, поступая в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухомой, начинает успешно осваивать новые дисциплины, прекрасно перенимать знания, профессиональный опыт у педагогов высшей школы, учась по специальности монументальная живопись. Его учителями были И.П. Степашкин, Л.А. Любимов, Б.В. Иогансон. Учитывая, что годы студенческой учебы Александра

пришлись на послевоенные годы, то ему приходилось одновременно с учебным процессом восстанавливать полуразрушенное (руинированное после II мировой войны) здание училища вместе с преподавателями, сотрудниками и остальными студентами. После устранения последствий военного времени и приведения здания училища, других административно-хозяйственных построек в презентабельный вид, высшее руководство училища возобновило педагогическую работу, учебный процесс, начало развивать культурно-выставочную деятельность, стремиться к финансовой устойчивости и экономической стабильности. Иными словами, формировались новые кафедры, расширялся научно-преподавательский состав кафедр, появлялись новые специальности, здание оснащалось новой материально-технической базой, лучшие выпускники оставались преподавать, вести научную работу, заниматься выставочной деятельностью, руководить студенческим и дипломным проектированием.

В 1950-1980-е гг. началось возрождение общественно-культурной жизни населения в сибирских городах, в т.ч. в Новосибирске, и архитекторы начали заниматься восстановлением жилых домов и строительством монументальных зданий из долговечных, прочных материалов. Здания старались украшать барельефами, скульптурными композициям, в оформлении фасадов применяли архитектурные элементы, как колоннады, портики, фронтоны и др. В архитектурных решениях применялись новейшие инженерно-конструкторские решения, иными словами, в советских городах запустился процесс строительства в стиле сталинского ампира, модернизма и др. В эти послевоенные годы (начало 1950-х гг.) Александр Чернобровцев (илл. 1 в.) [Чернобровцев, 2011, с. 111] получал высшее образование, вбирая дух времени и собирая новые художественные идеи для воплощения в жизнь, навеянные временем рассвета или возрождения искусства, возвращения к мирной жизни советского народа. Под всеми этими социально-политическими процессами он формировался специалистом-монументалистом нового (послевоенного) поколения.

В 1954 г. Александр с отличием заканчивает Высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухомой в Ленинграде и получает красный диплом с присвоением специальности художника (ил. 2 а) [Чернобровцев, 2011, с. 43]. По распределению Александр Чернобровцев был направлен работать в Новокузнецк, в связи с отсутствием достойной работы в 1954 г. переехал жить в столицу Сибири — в Новосибирск, в котором он устраивается работать по специальности художником в Гипроторг.

Первой его работой в качестве художника Гипроторга стало оформление рыбного мага-

зна на Красном проспекте, затем последовала работа по созданию интерьера кафе-мороженого «Снежинка». С этого момента начинается профессиональный путь художника, скульптора и вся его творческая осознанная деятельность проходит в Сибири, в Новосибирске. На протяжении всей жизни он плодотворно работает по своему призванию.

Профессиональная деятельность Александра Сергеевича и его первые заказы по работе пришлось на непростые времена, когда нужно было поднимать в городах России все важные сферы деятельности, особенно градостроительство, поддерживать культуру, образование, медицину, восстанавливать здания, развивать транспортную систему, экономику, промышленный и сельскохозяйственный сектор. Еще налаживать деловые связи и партнерские отношения с соседними городами, разрабатывать планы развития, устанавливать перспективы роста и находить дополнительные источники финансовых поступлений. Страна, СССР, вышедшая из войны, постепенно шла по правильному пути развития и по воспоминаниям самого художника — в начале 1950-х гг. Новосибирск, ещё молодой город, активно строился, его архитектурно-художественный образ только предстояло формировать. Вся его атмосфера «дышала потребностью в искусстве». Середина 1950-х гг. была временем всплеска монументальной и декоративной скульптуры [История города, 2005, с. 586].

В этот период времени у молодого мастера с крепкими духовно-нравственными основами, Александра Чернобровцева, появилось профессиональное кредо — служить высоким идеалам и проявить талантливость в монументально-декоративном искусстве. В своем творчестве он задумал воплотить идею возрождения страны, восстановления городов путем аккуратного изготовления гармоничных композиций, красивого оформления интерьеров и деликатного украшения зданий. Будучи состоявшимся художником-монументалистом данную мечту всех людей войны, в т.ч. и его матери воплотил в жизнь.

В 1957 г. был создан оргкомитет по созданию Союза художников России, председателем его стал Владимир Александрович Серов. Создание Союза художников России позволило художникам, участвующим в областных выставках, выйти на новый уровень, который давал возможность участия в выставках, на проведение которых тогда выделялись государством крупные деньги. А.С. Чернобровцев стал членом Правления Союза художников России, в разные годы входил в зональные, общероссийские и даже всесоюзные выставки. Один, два раза в год художники, избранные в выставком, ездили по своим зонам (территориям) и формировали свои зональные выставки [Чернобровцев, 2011, с. 71]. В

качестве члена выставкомов А.С. Чернобровцев ездил по СССР, особенно часто бывал в Сибири и Дальнем Востоке. Являлся делегатом съездов СХ РСФСР, СХ СССР, зам. председателем Монументальной комиссии Союза художников СССР. В течение 20 лет принимал участие в всесоюзных, республиканских, зональных и областных выставках в Новосибирске и других городах СССР. Например, в 1980 г. у А.С. Чернобровцева состоялась персональная выставка в г. Новосибирске, на которой было представлено собрание картин художника и коллекция монументально-декоративных работ, изготовленные из разных материалов.

В 1957 г. в возрасте 27 лет Александр Сергеевич стал седьмым президентом Клуба болгаро-советской творческой интеллигенции, позволяющий расширить творческий диапазон. Он получил возможность общения с представителями молодой творческой интеллигенции России и Болгарии. У болгаро-советского клуба молодой творческой интеллигенции была своя богатая история, песни, ритуалы, символы и знаки. В ЦК ВЛКСМ (Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи) на видном месте был водружен его президентский жезл, к которому крепились бронзовые таблички с именами тех, кто руководил его заседаниями в течение восьми лет существования клуба. Этот жезл вручали каждому очередному президенту (с советской или болгарской стороны) в самой торжественной обстановке. На момент правления А.С. Чернобровцева одиннадцать бронзовых табличек напоминали о богатой, разносторонней, многопрофильной деятельности клуба. Творческая атмосфера, общение с талантливыми и интересными людьми, выход на международную арену - все это оставило значимый след в жизни Александра Чернобровцева [Чернобровцев, 2011, с. 91] (ил. 2 б).

Александр Сергеевич Чернобровцев вел преподавательскую работу в Новосибирском государственном педагогическом институте (НГПИ с 1993 г. переименовали в НГПУ), Сибстрине (ранее НИСИ им. В.В. Куйбышева) и лицее при Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки. С 1984 г. по 1986 г. являлся главным художником г. Новосибирска. Работал профессором кафедры монументально-декоративного искусства Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (ныне Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова). Плодотворно работал над идеей создания и строительства в Новосибирске Дома занимательной науки и техники. Кроме этого, он был членом многочисленных советов и выставочных комитетов, членом президиумов Комитета Защиты Мира, Общества «Знание» и многих других.



Ил. 2 а. – Группа студентов Ленинградского высшего художественно-промышленного училища. Крайний справа - А.С. Чернобровцев. [Чернобровцев, 2011, с. 47].

Ил. 2 б. — А.С. Чернобровцев — седьмой президент болгаро-советского клуба творческой интеллигенции, София, Болгария [Чернобровцев, 2011, с. 91].

Fig. 2. а. A group of students of the Leningrad Higher Art and Industrial College. The far right is A.S. Chernobrovtssev. [Chernobrovtssev, 2011, p. 47].

Fig. 2. б. A. Chernobrovtssev - Seventh President of the Bulgarian-Soviet Club of Creative Intelligentsia, Sofia, Bulgaria [Chernobrovtssev, 2011, p. 91].

А.С. Чернобровцев за плодотворную профессиональную работу получил следующие награды и почетные грамоты:

- член Союза художников СССР (1960);
- член Союза художников (СХ) РСФСР (1961);
- лауреат премии Ленинского комсомола (1968);
- заслуженный деятель искусств РСФСР (1981);
- член правления Союза художников РСФСР;
- лауреат постоянной стипендии «Общественное призвание» (с 2000);
- почетное звание «Человек года» (1999) [Новосибирск, 2003, с. 956];
- лауреат премии Губернатора Новосибирской области в сфере культуры и искусства (2003);
- почетный житель города (18.07.2003) присвоено за выдающийся вклад в развитие монументального искусства и культуры.

Имя Чернобровцева Александра Сергеевича, как почетного и уважаемого жителя города, в 2003 г. внесено в энциклопедию «Новосибирск», изданную к 110-летию юбилею города.

Личность Александра Сергеевича Чернобровцева в советское время была известна в СССР, Болгарии и его работы отличались масштабностью, грандиозностью задумки и торжественным исполнением в камне, металле, дереве, гипсе. Некоторые его идеи, на взгляд главного автора статьи, опережали время, он предвидел веяния или тенденции в монументально-декоративном искусстве.

Рассмотрим результаты его плодотворной профессиональной деятельности, которая отражает гениальность, профессионализм скульптура-монументалиста, высококлассное мастерство художника и человека любящего Бога, понимающего божий замысел и собственное предназначение в жизни. В качестве монументалиста-художника А.С. Чернобровцев в процессе профессиональной деятельности воплотил многочисленные работы в Новосибирске, Новосибирской области и в др. городах. Некоторые работы утрачены со временем из-за реставрации, большая часть сохранилась до наших дней в первоначальном варианте оформления.

Во время обработки данных нами сделана попытка систематизировать и классифицировать по типологии перечень объектов. А

также каждый воплощенный объект соотносится к той или иной классификационной группе, которая принята в профессиональном архитектурном научном сообществе. Основными воплощенными проектами А.С. Чернобровцева являются:

Объекты архитектуры:

Культовая архитектура:

- Звонница в память о Георгиевских кавалерах.

Малые архитектурные формы:

Памятники:

- «Паровоз Лунина» в Железнодорожном районе города Новосибирска.

Мемориалы:

- Мемориальный ансамбль Монумент Славы, посвященный подвигу сибиряков во II Мировой войне, расположенный в Ленинском районе между ул. Плахотного и ул. Пархоменко (1967);

- Мемориалы в Первомайском районе города Новосибирска;

- Мемориалы в селе «Довольном» Новосибирской области;

- Мемориальный ансамбль парка Победы в Бердске (заложен в 1972, открыт 9 мая 1980, памятник истории и культуры).

Памятники надгробные:

- Надгробный памятник Алексею Индинку (год создания неизвестен);

- Надгробный памятник артисту Сергею Васильевичу Лосеву (год создания (неизвестен));

- Надгробный памятник композитору Николаю Михайловичу Кудрину (1997);

- Надгробный памятник директору Новосибирского приборостроительного завода Борису Савельевичу Галушаку (1999);

- Надгробный памятник кинорежиссеру Вадиму Николаевичу Гнедкову (2000).

Панно:

- Панно «Памяти павших» (Реквием) в Сквере героев Революции (1960);

- Резное панно «Скоморохи» в кафе «Скоморохи» по ул. Челюскинцев, 21 (1974);

- Панно «Октябрь» на станции «Октябрьская» Новосибирского метрополитена (1985);

- Деревянное панно «Апофеоз русской музыки» в вестибюле Большого зала Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки по ул. Советская, 31 (1994).

Интерьеры:

- Интерьеры рыбного магазина на Красном проспекте 157/1 (1954) (интерьеры не сохранены);

- Интерьеры кафе «Снежинка» по ул. Ленина, 8 (1954);

- Интерьеры студенческого кафе НЭТИ (НГТУ) «Веснушка» по проспекту К. Маркса, 51 (1954);

- Интерьеры ресторана «Центральный» по ул. Ленина, 6 (не сохранено, год создания неизвестен).

Роспись:

- Роспись потолка Дворца культуры им. М. Горького совместно с художником монументально-декоративного искусства, живописцем с А.А. Бертиком по ул. Богдана Хмельницкого, 40;

- Роспись Часовни во имя Святого Николая Чудотворца по Красный пр., 17 а (1998).

Садово-парковая мебель:

- Беседка любви в Первомайском сквере в Центральном районе около площади Ленина;

- «Факел фестиваля» на Центральной площади Фестиваля.

Скульптуры:

- Силуэт поэта В.В. Маяковского на здании «Дома под стройкой» или дома с гастрономом;

- Силуэт голубя (в клюве у которого зеленая ветка и под ним два белых флажка) на железной проволочной конструкции, где крепилась надпись «Слава КПСС» между зданием на Красном проспекте, 30 и зданием Соцземледелия (с 1941 г. НИИ № 39 или НИИ измерительных приборов, авторство принадлежит архитекторам Н.С. Кузьмину и Н.Г. Васильеву) по ул. Максима Горького, 78 в Октябрьской районе.

Плоскостные объекты благоустройства:

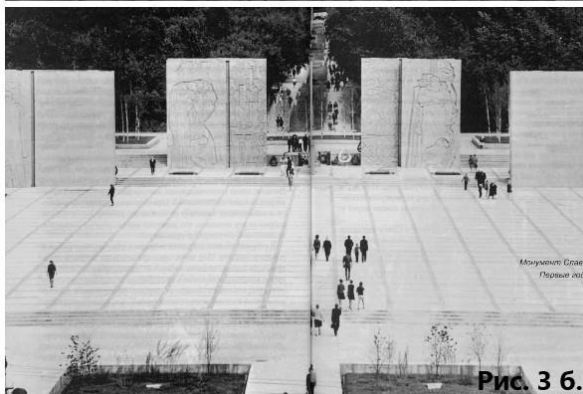
Площади:

- Оформление площади Кондратюка в Центральном районе города Новосибирска.

В итоге, воплощенные проекты А.С. Чернобровцева довольно разнообразны в аспекте воплощенных идей, т.е. от малых архитектурных форм (скамьи, резные панно, оформление интерьеров) до грандиозных и масштабных проектов, таких как ансамбль Монумент Славы и Часовня Святого Николая Чудотворца, которая была в 1993 г. восстановлена Александром Сергеевичем вместе с тридцатилетним сыном Петром к 100-летию города Новосибирска.

В книге воспоминаний «Хочу остаться ...» [Чернобровцев, 2011, с. 130] указывается, что для самого Чернобровцева его любимой работой стало панно «Октябрь» для станции Октябрьская (символизирующее годовщину *Октябрьской революции*) в метрополитене Новосибирска (ил. 3 а). Из представленного списка наиболее значимыми или знаковыми для Новосибирска являются строительство монументального ансамбля Монумена славы [Чернобровцев, 2011, с. 122-123] (ил. 3 б), изваяние панно в Сквере героев Революции [Чернобровцев, 2011, с. 86-87] (ил. 3 в) восстановление Часовни Святого Николая Чудотворца [Часовня во имя Святого Николая Чудотворца, эл.ресурс] (ил. 4 а, б.) и др. Их знаковость заключается в символизме объектов, которые отражали наиболее важные вехи, даты в ис-

тории государства в целом и в частности, касающиеся истории города Новосибирска. Они располагаются в Ленинском и Центральном районах города, являются наиболее известными объектами монументально-декоративного искусства в городском пространстве. Городские и музейные экскурсоводы города Новосибирска довольно часто включают их в экскурсионные маршруты в качестве значимых, узнаваемых достопримечательных мест. Часовня во имя Святого Николая Чудотворца (как объект для паломничества и достопримечательное место), звонница в память о Георгиевских кавалерах в качестве культовых зданий, как общественное пространство для отдыха, представляют наибольший интерес в рамках туристического экскурсионного показа, а малые архитектурные формы, панно являясь изысканной, утонченной формой творческой мысли монументалиста, имеют большой потенциал в выставочной и экскурсионной деятельности. Также красивые скульптурные композиции могут быть объектами для дальнейшей популяризации в историко-экскурсионном, художественно-декоративном аспектах.



Ил. 3 а. Декоративное панно «Октябрь» на станции «Октябрьская» (символизирующая годовщину *Октябрьской революции*) в метрополитене города Новосибирска (1985). [Чернобровцев, 2011, с. 131].
Ил. 3 б. Общий вид на монументальный ансамбль «Монумент славы» (1967 г.) [Чернобровцев, 2011, с. 122–123]. **Ил. 3 в.** Панно в Сквере героев Революции (1960) [Чернобровцев, 2011, с. 86–87].

Fg. 3. a. Decorative panel "October" at the Oktyabrskaya station (symbolizing the anniversary October Revolution) in the subway of the city of Novosibirsk (1985) [Chernobrovtssev, 2011, p. 131]. **Fg. 3. б.** General view of the monumental ensemble "Monument of Glory" (1967) [Chernobrovtssev, 2011, p. 122-123]. **Fg. 3. в.** Panel in the Square of Heroes of the Revolution (1960) [Chernobrovtssev, 2011, p. 86-87].



Рис. 4 а



Рис. 4. б

Ил. 4 а. Вид на главный фасад Часовни во имя Святого Николая Чудотворца. **Ил. 4 б.** Проект реставрации часовни. Автор: П.А Чернобровцев, автор росписи А.С. Чернобровцев (1993)
URL: <https://hellonsk.ru/about-city/dostoprimechatelnosti/chasovnya-vo-imya-svyatogo-nikolaya-chudotvortsya>

Fig. 4. a. View of the main facade of the Chapel in the name of St. Nicholas the Wonderworker.
Fig. 4. б. Chapel restoration project. Author: P.A Chernobrovtssev, wall painting author: A.S. Chernobrovtssev (1993).

Выводы

Таким образом, Александр Сергеевич Чернобровцев — выдающийся художник-монументалист, чьи монументально-декоративные работы находятся в городе Новосибирске и по настоящее время украшают учреждения, парки, улицы. Изучив его биографию, выяснился факт, что в большей степени на выбор профессии повлияла интеллигентная семья, в которой царила атмосфера творчества, архитектурных идей и религиозности, способствующая привитию духовно-нравственных основ и божественного понимания жизни. Кроме этого, на Александра Сергеевича еще оказала влияние война 1941–1945 гг. и послевоенные годы обучения, которые вызвали внутреннее профессиональное желание восстанавливать, строить заново и украшать город, вносить красоту в мир через воплощенные проекты в монументально-декоративном искусстве. В качестве молодого специалиста он понимал, что нужно запускать искусство в массы, в жизнь воплощать монументы, которые передавали бы дух времени, а свой дар от Бога или призвание сделать любимой профессией в жизни.

В профессиональной деятельности А.С. Чернобровцев проявил сильный характер, высокий дух в борьбе за реализацию своих

проектов и найдя поддержку от местных властей воплощал их в реальность. Он вел активную выставочную деятельность и дружил с коллегами, привлекал к выставочной работе своих учеников, студентов. В качестве общественного деятеля, талантливого художника, монументалиста-скульптора с высоким уровнем профессионализма, он принес значительный вклад в деловые связи и дружественные отношения между Болгарией и СССР.

В процессе профессиональной деятельности Александром Сергеевичем воплощены в жизнь многочисленные монументально-декоративные работы на высоком художественном уровне. Знаковыми объектами для города Новосибирска являются: монументальный ансамбль Монумент Славы, Часовня во имя Святого Николая Чудотворца, Сквер героев революции, панно «Октябрь» на станции Октябрьская в метрополитене г. Новосибирска. Большая часть проектов монументально-декоративного искусства представлена различными мемориалами, панно, росписями, а также идеями по оформлению интерьеров и надгробных памятников. В качестве скульптура он предпочитал работать с натуральными природными материалами (дерево, камень, глина). Каждая его работа является завершённой уникальной идеей,

олицетворяющей лучшие примеры монументально-декоративного и художественного искусств. Александр Сергеевич Чернобровцев в качестве одаренной личности, выдающегося художника-монументалиста с высоким уровнем профессионализма, навечно останется в памяти людей, прописав себя в художественную историю города Новосибирска. Сибирские земляки, любители искусства, коллеги высоко ценили талант и мастерство Александра Сергеевича.

Список литературы

1. Александр Сергеевич Чернобровцев / подгот. Е.Е. Лурье // Золотые имена Новосибирска: почет. граждане и жители города. Новосибирск, 2008. С. 194–205.
2. Баландин С.Н., Пустоветов Г.И. Из истории архитектурного образования в Сибири. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 87 с.
3. Васильева Л. Свидание с Родиной // Лауреаты Ленинского комсомола: сборник. М., 1970. С. 207–211.
4. Воронкова С. Три города Александра Чернобровцева: твор. биограф. // Ведомости Новосиб. обл. Совета депутатов. 1996. № 29 (19–25 июля). С. 15.
5. История в памятниках: о Монументе Славы: подборка материалов / подгот. С. Сиваковская, Ю. Хомич // Советская Сибирь. 2004. 8 мая. С. 12–13.
6. Коньякова Т. Александр Чернобровцев: «Отступить не умею, даже тогда, когда отступить, может быть, и надо...»: к 75-летию худож. / Т. Коньякова; [по материалам интервью с А.С. Чернобровцевым] // Вечерний Новосибирск. 2005. 13 сент. С. 2.
7. Коньякова Т. «Это мой город — я понял его характер, я чувствую его пульс...»: худож.-монументалист А. Чернобровцев стал почет. гражданином города // Вечерний Новосибирск. 2003. 10 июля. С. 29.
8. Коньякова Т. Александр Чернобровцев: портрет в городском пейзаже / Т. Коньякова; по материалам интервью с А.С. Чернобровцевым // Вечерний Новосибирск. 2000. 15 сент. С. 15.
9. Косенков А.Ф. Два мира Александра Чернобровцева // Созвездие земляков: знаменитые мужи Новосибирска. Новосибирск, 2008. С. 62–68.
10. Косенков А.Ф. Два мира Александра Чернобровцева // Библиотека Сибирского Краеведения. [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/dva-mira-aleksandra-chernobrovceva>.
11. Красовицкая Л.М. Художественное образование в Новосибирске: монография. Новосибирск: изд.: НГПУ, 2010. 182 с.
12. Мартышев Е.Ф. Творчеством одержимый // Созидатели: очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. Новосибирск. 2003. Т. 2. С. 461–468.
13. Мемориальный комплекс «Монумент Славы сибиряков»: обелиск «Новосибирск — фронту», 1941–1945: проспект / [сост. М.С. Клобуков, В.И. Обыскалов, А.Г. Жуков]. Новосибирск: Кн. изд-во, 2004. 12 с.
14. Метелица А.Я. Снег нужен для тепла земного: очерк / А. Метелица; по материалам интервью с А.С. Чернобровцевым // Нам шагать и шагать. Новосибирск, 1974. С. 224–238.
15. Монумент Славы, сооруженный в честь подвига сибиряков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: кат. / Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия Новосиб. обл. 2-е изд., перераб. Новосибирск, 2003. Кн. 1: г. Новосибирск: (памятники, состоящие на гос. охране). С. 179–180.
16. «История города. Новониколаевск-Новосибирск». Исторические очерки. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2005. 864 с.
17. Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск: кн. изд-во, 2003. 1071 с.
18. Новосибирское государственное художественное училище. [Электронный ресурс]. URL: <https://ngpu.ru/about/history/> (дата обращения 26.05.2022 г.).
19. О присвоении звания «Почетный житель города»: решение Новосиб. гор. Совета от 18 июня 2003 г. № 274 // Вечерний Новосибирск. 2003. 24 июня. С. 4.
20. Пивкин В.М. Апофеоз русской музыки: о панно в консерватории // Советская Сибирь. 1991. 17 окт. С. 3.
21. Сиваковская С. Мастер и его город / С. Сиваковская; по материалам интервью с А.С. Чернобровцевым // Советская Сибирь. 2000. 12 сент. С. 2.
22. Сиваковская С. Восставшая из неведения // Советская Сибирь. 1999. 20 мая. С. 3.
23. Туманик Г.Н. Шаги духовного возрождения: о панно в консерватории / Г. Туманик, М. Колпакова // Советская Сибирь. 1994. 12 марта. С. 6.
24. Усольцева Л.С. Живые! Помните о них! // Дом Ленина. Сквер Героев революции / Л. С. Усольцева. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Кн. изд-во, 1990. С. 44–72.
25. Федоровский Е.П. Утверждение красоты: твор. портр. худож. // Молодая гвардия. 1976. № 5. С. 172–179, 182–183.
26. Чернобровцев Александр Сергеевич // Кто есть кто в новосибирской культуре: справ.-биограф. изд. Новосибирск, 2003. Т. 1. С. 281–283.
27. Чернобровцев Александр Сергеевич: биограф. справка // Сибирь в лицах. Новосибирск, 2001. 247 с.
28. Чернобровцев А.С. Простор для работы // Мой Новосибирск: книга воспоминаний. Новосибирск, 1999. С. 272–281.

29. Чернобровцев А.С. «Там, у меня на алтаре»: интервью о Монументе Славы / А.С. Чернобровцев; подгот. М. Шабанова // Ведомости Новосибирской обл. Совета депутатов. 2005. № 14 (8 апр.). С. 21.

30. Чернобровцев А.С. «И навсегда вошел в мою судьбу...»: интервью // Сибирская горница. 2003. Спец. вып. «В городе моем светло...». С. 159–164.

31. Чернобровцев А.С. У меня, как у сапера, нет права на ошибку // Вечерний Новосибирск. 2000. 12 сент. С. 5.

32. Чернобровцев А.С. Талант есть чудо не случайное: из интервью разных лет / А.С. Чернобровцев; подгот. А. Метелица // Сибирская горница. 1997. № 3. С. 76–78.

33. Чернобровцев А.С. «Любовь не должна быть безликой!»: интервью / А.С. Чернобровцев; подгот. Н. Поцелуёнок // Молодость Сибири. 1984. 21 авг. С. 2.

34. Чернобровцев А.С. Хочу остаться ...: рассказ о времени и о себе художника-монументалиста Александра Чернобровцева / [лит. обраб., ред. Н.К. Герасимовой]. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2011. 190 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ngonb.ru/catalog/4206/38302/> (дата обращения 26.05.2022 г.).

35. Часовня во имя Святого Николая Чудотворца. [Электронный ресурс]. URL: <https://hellonsk.ru/about-city/dostoprimechatelnosti/chasovnya-vo-imya-svyatogo-nikolaya-chudotvortsya/> (дата обращения 26.05.2022 г.).

References

1. Chernobrovtssev Aleksandr Sergeevich. In: Zolotyie imena Novosibirska: pochet. grazhdane i zhiteli goroda [Golden Names of Novosibirsk: Honorary Citizens and Residents of the City]. Novosibirsk, 2008. Pp. 194–205. (in Russ.)

2. Balandin S.N., Pustovetov G.I. Iz istorii arkhitekturnogo obrazovaniya v Sibiri [From the History of Architectural Education in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993. 87 p. (in Russ.)

3. Vasil'eva L. Svidanie s Rodinoj. In: Laureaty Leninskogo komsomola: sbornik [Meeting with the Motherland]. Moscow, 1970. Pp. 207–211. (in Russ.)

4. Voronkova S. Tri goroda Aleksandra Chernobrovtsseva: tvor. biogr. [Voronkova, S. The Three Cities of Alexander Chernobrovtssev: A Creative Biography]. Vedomosti Novosib. obl. Soveta deputatov. 1996. № 29 (July 19–25). P. 15. (in Russ.)

5. Istoriya v pamyatnikakh: o Monumente Slavy: podborka materialov [History in Monuments: About the Monument of Glory: A Selection of Materials]. Sovetskaya Sibir'. 2004. May 8. Pp. 12–13. (in Russ.)

6. Kon'yakova T. Aleksandr Chernobrovtssev: «Ostupať ne umeyu, dazhe togda, kogda

ostupať, mozhet byt', i nado...»: k 75-letiyu khudozh. [“I Don't Know How to Retreat, Even When It Might Be Necessary...”]. Vechernij Novosibirsk. 2005. Sep 13. P. 2. (in Russ.)

7. Kon'yakova T. «Eto moj gorod — ya ponyal ego kharakter, ya chuvstvuyu ego pul's...»: khudozh.-monumentalist A. Chernobrovtssev stal pochet. grazhdaninom goroda [“This is My City — I Understand Its Character, I Feel Its Pulse...”: Monumental Artist A. Chernobrovtssev Became an Honorary Citizen of the City]. Vechernij Novosibirsk. 2003. July 10. P. 29. (in Russ.)

8. Kon'yakova T. Aleksandr Chernobrovtssev: portret v gorodskom pejzazhe [Alexander Chernobrovtssev: A Portrait in an Urban Landscape]. Vechernij Novosibirsk. 2000. Sep 15. Pp. 15. (in Russ.)

9. Kosenkov A.F. Dva mira Aleksandra Chernobrovtsseva. In: Sozvezdie zemlyakov: zname nitie muzhi Novosibirska [The Two Worlds of Alexander Chernobrovtssev]. Novosibirsk, 2008. Pp. 62–68. (in Russ.)

10. Kosenkov A.F. Dva mira Aleksandra Chernobrovtsseva. In: Biblioteka Sibirskogo Kraevedeniya [The Two Worlds of Alexander Chernobrovtssev]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/dva-mira-aleksandra-chernobrovtsseva/>. (in Russ.)

11. Krasovitskaya L.M. Khudozhestvennoe obrazovanie v Novosibirske: monografiya [Education in Novosibirsk: A Monograph]. Novosibirsk, 2010. 182 s. (in Russ.)

12. Martynyshev E.F. Tvorchestvom oderzhimyj. In: Sozidateli: ocherki o lyudyakh, vpisavshikh svoe imya v istoriyu Novosibirska [Obsessed with Creativity]. Novosibirsk. 2003. Vol. 2. Pp. 461–468. (in Russ.)

13. Memorial'nyj kompleks «Monument Slavy sibiryakov»: obelisk «Novosibirsk — frontu», 1941–1945: prospekt. [Memorial Complex "Monument of Glory to the Siberians": The Obelisk "Novosibirsk to the Front", 1941–1945: A Prospectus]. Novosibirsk, 2004. 12 p. (in Russ.)

14. Metelitsa A.Ya. Sneg nuzhen dlya tepla zemnogo: ocherk. In: Nam shagat' i shagat' [Snow is Needed for the Earth's Warmth: An Essay]. Novosibirsk, 1974. Pp. 224–238. (in Russ.)

15. Monument Slavy, sooruzhennyj v chest' podviga sibiryakov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. In: Pamyatniki istorii, arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Novosibirskoy oblasti: kat. [Monument of Glory, Erected in Honor of the Feat of Siberians During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Novosibirsk, 2003. Vol. 1: g. Novosibirsk: (pamyatniki, sostoyashchie na gos. okhrane). Pp. 179–180. (in Russ.)

16. «Istoriya goroda. Novonikolaevsk-Novosibirsk». Istoricheskie ocherki [“History of the City. Novonikolaevsk-Novosibirsk”. Historical

Essays]. Novosibirsk: Izdatel'skij dom "Istoricheskoe nasledie Sibiri", 2005. 864 p. (in Russ.)

17. Novosibirsk: enciklopediya [Novosibirsk: Encyclopedia]. Novosibirsk, 2003. 1071 p. (in Russ.)

18. Novosibirskoe gosudarstvennoe khudozhestvennoe uchilishche [Novosibirsk State Art College]. URL: <https://ngnu.ru/about/history> (available at 26.05.2022). (in Russ.)

19. O prisvoenii zvanija «Pochetnyj zhitel' goroda»: reshenie Novosib. gor. Soveta ot 18 iyunya 2003 g. № 274. In: Vechernij Novosibirsk [On Granting the Title "Honorary Resident of the City": Decision of the Novosibirsk City Council dated June 18, 2003 No. 274]. 2003. June 24. P. 4. (in Russ.)

20. Pivkin V.M. Apofeozy russkoj muzyki: o panno v konservatorii [Apotheosis of Russian Music: About the Mural in the Conservatory]. Sovetskaya Sibir'. 1991. Oct 17. P. 3. (in Russ.)

21. Sivakovskaya S. Master i ego gorod [The Master and His City]. Sovetskaya Sibir'. 2000. Sent 12. P. 2. (in Russ.)

22. Sivakovskaya S. Vosstavshaya iz neveriya [Risen from Disbelief]. Sovetskaya Sibir'. 1999. May 20. P. 3. (in Russ.)

23. Tumanik G.N. Shagi dukhovnogo vozrozhdeniya: o panno v konservatorii [Steps of Spiritual Revival: About the Mural in the Conservatory]. Sovetskaya Sibir'. 1994. March 12. P. 6. (in Russ.)

24. Usol'tseva L.S. Zhivye! Pomnite o nikh! In: Dom Lenina. Skver Geroev revolyucii [The Living! Remember Them!] Novosibirsk, 1990. Pp. 44–72. (in Russ.)

25. Fedorovskij E.P. Utverzhenie krasoty: tvor. portr. khudozh [Affirmation of Beauty: A Creative Portrait of an Artist]. Molodaya gvardiya. 1976. № 5. S. 172–179, 182–183. (in Russ.)

26. Chernobrotsev Aleksandr Sergeevich. In: Kto est' kto v novosibirskoj kul'ture: sprav.-biogr. izd. Novosibirsk, 2003. Vol. 1. Pp. 281–283. (in Russ.)

27. Chernobrotsev Aleksandr Sergeevich: biogr. spravka. In: Sibir' v licakh [Chernobrotsev Alexander Sergeevich: Biographical Note]. Novosibirsk, 2001. 247 p. (in Russ.)

28. Chernobrotsev A.S. Prostor dlya raboty. In: Moi Novosibirsk: kniga vospominanij [Scope for Work]. Novosibirsk, 1999. Pp. 272–281. (in Russ.)

29. Chernobrotsev A.S. «Tam, u menya na altare»: interv'yu o Monumente Slavy ["There, on My Altar": An Interview About the Monument of Glory]. Vedomosti Novosibirskoj obl. Soveta deputatov. 2005. № 14 (8 apr.). P. 21. (in Russ.)

30. Chernobrotsev A.S. «I navsegda voshel v moyu sud'bu...»: interv'yu. ["And It Forever Entered My Destiny...": An Interview] Sibirskaya gornitsa. 2003. Spec. iss. «V gorode moem svetlo...». Pp. 159–164. (in Russ.)

31. Chernobrotsev A.S. U menya, kak u sopera, net prava na oshibku. [Like a Sapper, I Have No Right to Make a Mistake]. Vechernij Novosibirsk. 2000. Sent 12. P. 5. (in Russ.)

32. Chernobrotsev A.S. Talant est' chudo ne sluchajnoe: iz interv'yu raznykh let [Talent is a Non-Accidental Miracle: From Interviews of Different Years]. Sibirskaya gornitsa. 1997. № 3. Pp. 76–78. (in Russ.)

33. Chernobrotsev A.S. «Lyubov' ne dolzhna byt' bezlikoj!»: interv'yu. ["Love Must Not Be Faceless!": An Interview]. Molodost' Sibiri. 1984. Aug 21. P. 2. (in Russ.)

34. Chernobrotsev A.S. Khochu ostat'sya ...: rasskaz o vremeni i o sebe khudozhnika-monumentalista Aleksandra Chernobrotseva. [I Want to Remain...: A Story About Time and About Himself by Monumental Artist Alexander Chernobrotsev]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 190 p. URL: <https://elibrary.ngonb.ru/catalog/4206/38302/> (available at 26.05.2022). (in Russ.)

35. Chasovnyya vo imya Svyatogo Nikolaya Chudotvorca [Chapel in the Name of Saint Nicholas the Miracle Worker]. URL: <https://hellonsk.ru/about-city/dostoprimechatelnosti/chasovnyya-vo-imya-svyatogo-nikolaya-chudotvorca/> (available at 26.05.2022). (in Russ.)

Материал передан в редакцию 02 июня 2022 г.

Сведения об авторах

Борисенко Алиса Юльевна, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирск, Россия

Декунцов Никита Сергеевич, магистрант НГУАДИ имени А.Д. Крячкова, Новосибирск, Россия

Духанина Елена Сергеевна, доцент кафедры архитектуры НГУАДИ имени А.Д. Крячкова, Новосибирск, Россия

Кертменджян Давид Григорьевич, профессор, преподаватель кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении, доктор архитектуры, Ереван, Армения

Киракосян Люба Владимировна, профессор Национального университета архитектуры и строительства Армении, доктор архитектуры, профессор, Ереван, Армения

Усепян Лина Хачиковна, смотритель музейный Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия)

Филиппова Наталия Николаевна, доцент кафедры Теории и истории архитектуры и градостроительства Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия)

Филонов Сергей Владимирович, хранитель фондов Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия)

Фуникова Анна Сергеевна, магистрант НГУАДИ имени А.Д. Крячкова, Новосибирск, Россия

Шемелина Дарья Сергеевна, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры теории и истории архитектуры и градостроительства НГУАДИ имени А.Д. Крячкова, кандидат архитектуры, Новосибирск, Россия.

Научное издание

Баландинские чтения:
сборник статей научных чтений памяти
Сергея Николаевича Баландина
Том XVIII

Корректор А.Е. Гашенко
Вёрстка А.В. Любовниковой
Фото на обложке А.Е. Гашенко
